

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 06727451 8

~~1993.~~

~~239.~~

239.

150

4/

Исходные
Александров Курманов

24

* Slav.
Reserve
05- 3739

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

239x1
64

272 3 1911 11 11
272 3 1911 11 11

14. 8. 3. 2

ГРАФЪ

М Е Ц Ъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

В. ВЕРНЕТА.

—
(Писано въ 1834 году).

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

=
1837.

Еу

~~1993.~~

~~239.~~

150

239.

4/

Исходные
Александр Купина

*Star.
Reserve
05- 3739

Zhu

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

239х1
—
64

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

14.93

ГРАФЪ

М Е Ц Ъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Б. ВЕРНЕТА.

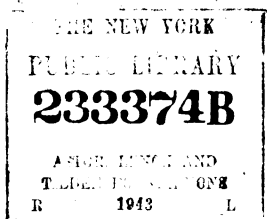
(Писано въ 1834 году).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

Еу

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, Октября 12, 1836 года.

Ценсоръ А. НИКИТЕНКО.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛЕОНТЬЯ СЕВГІРОВА И К^о.

СЦЕНА I.

Спальня, тускло озаренная свѣтомъ ираморной лампы. Богатая постель. Графъ Мецъ лежитъ раздѣтый подъ одеяломъ. Старый слуга ходитъ по комнатѣ, уставляетъ мебель, собираетъ платье.

Графъ Мецъ.

Охъ, голова моя!.... горитъ огнемъ!
Постель и комната вертится!
Судилъ же мнѣ Господь напиться
Такимъ проклятымъ, колдовскимъ виномъ!
Смѣшно и горестно!

Слуга Сильвестръ.

Осмѣлюсь доложить,
Напрасно надъ виномъ изволите ругаться.
Вино, известно всемъ, не для того, чтобъ пить,
Но чтобы допьяна итѣ, сударь, напиваться.
Чтобы прогнать печаль, тоску и мракъ.....

Графъ Мецъ.

Охъ, голова моя! Сильвестръ, подай копакъ!

Bolsun Jan 13, 1913

СЛУГА СИЛЬВЕСТРЪ.

Въ минуту! Но позвольте, я надвну....
Въ него вы головой не трафите никакъ (*надвваетъ на него колпакъ.*)

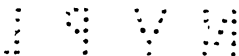
Чтобъ разогнать печаль тоску и мракъ,
Изъ горя въ счастъе сдѣлать перемѣну, —
Мы напиваемся. Послѣдствія извѣстны:
Раздолье, пѣсни, пляска, громъ и шумъ,
Какъ будто сдѣмалось два солнца въ поднебесной.
Хоть правда, и терлемъ въ пьянствѣ умъ —
Да что нашъ умъ! На что намъ бѣдной умъ,
Когда мы за него, за тучу черныхъ думъ
Приобрѣтаемъ свѣтлый лучъ веселья?
Одна бѣда, сударь: проклятое похмѣлье.
Мой старый дѣдъ имѣлъ причину говорить:
Иль безъ просыпу пить, или совсѣмъ не пить!

Графъ Мецъ.

Что онъ за дичь несетъ! ни слова не пойму!
А тамъ природа вѣтромъ хриплымъ плачетъ!
Иль все пьяно со мной, иль все меня дурачить —
Какъ чудно грежу я! Во снѣ, иль на яву?.....

СЛУГА СИЛЬВЕСТРЪ (*не влушал его.*)

Такъ, станемъ пить; въ одномъ винѣ — забвенье.
Счастливъ, кто пьянъ былъ день, недѣлю, цѣлый годъ.
Однако жъ разница: въ винѣ простой народъ
Находитъ пьянство лишъ, баре упоенье.
Еще есть разница: случается, вино
Бываетъ иногда отравлено
Нечистыми духами для господъ,
Затѣмъ, что не крестясь вино бояринъ пьетъ.

О! Господи, спаси насъ..... но въ которомъ
Часу прикажете будить насъ?

Графъ Мецъ.

Прочь отъ глазъ,
Не докучай мнѣ больше вздоромъ.

*(Слуга медленно выходитъ. Мецъ начинаетъ гово-
рить. Комната мало по малу наполняется како-
ми-то неопредѣленными существами).*

Графъ Мецъ.

Вино и женщина! Я, жаждущій, хотѣлъ
Испить вполнѣ двойное обаянье:
Въ одномъ веселья нашего предѣль,
Въ другой предѣль, въ дни юности, желанья.
Но, ахъ! напрасно изъ бокаловъ, съ усть
Я безпрестанно пилъ восторги, наслажденья!
Не могъ я утомить стремленье бурныхъ чувствъ,
Ихъ алчность накормить до насыщенья.

Смѣшанные голоса поютъ.

Вѣкъ нашъ — сонъ,
Счастье — звонъ
Словъ, безъ мысли и значенья!
Тотъ мудрецъ,
Кто ввонецъ
Смелъ изъ цвѣта наслажденья!
Пламень чувствъ,
Страстныхъ усть
Въ поцѣлувъ сочетанье;
Двухъ очей,
Двухъ грудей
Въ блескъ и въ огнь сліянье;
Добрыхъ душъ

Миръ, союзъ,
Дружбы и любви объятъ; —
Вотъ зачѣмъ
Даны всемъ
Сердце, жизнь, душа, понятъ.

Графъ Мецъ.

Богъ и природа! Любопытный умъ
Парилъ въ высокомъ долго созерцаньи;
Въ одномъ Творца искалъ мировъ, людей и думъ,
Въ другой слѣдилъ его прекрасное созданье.
Но, ахъ! Когда мечтавъ, что многое проникъ,
Хотѣлъ я повѣрять небесное расчетомъ;
Мой умъ окаменѣлъ, мой онѣмѣлъ языкъ
И я навѣкъ погрязъ въ незнаньи беззаботномъ.

Стройные голоса поютъ.

На небѣ луна сіяла,
По лѣсу скитался вѣтръ,
По морю ладья бѣжала;
Мудрый! отыщи ихъ слѣдъ.
Мысли въ пламени сердечномъ
Возвышались къ небесамъ,
Тамъ сливались съ свѣтомъ вѣчнымъ:
Опиши же путь ихъ намъ.
Разскажи намъ, что внимало
Ухо въ таинствѣ мировъ,
Какъ къ Создателю летало, —
Звукомъ рѣчи, сборомъ словъ.

Первый голосъ.

Природа, самоотверженіе, мистицизмъ, высокое и смиренное созерцаніе, изученіе естества, наука, разсудокъ. Человѣкъ-мужчина: власть, сила, богатство.

Человѣкъ женщина: главное побужденіе и орудіе ко всему теперь сказанному. Видите, какая бездна подлежащихъ, и каждое изъ нихъ можетъ быть раздроблено на миллионы цѣлей для нашихъ дѣйствій, къ достиженію которыхъ вполне, надобно миллионы нашихъ краткихъ живней. После того не знаю согласно ли будеть, хотя нѣсколько, съ здравымъ смысломъ дѣйствовать *дѣломъ* по всемъ этимъ предметамъ; но дѣйствовать *словами* — возможно. Потому-то мои дѣянія чрезвычайно разнообразны, смотря, гдѣ и для чего они совершались. Въ Швеции, напримеръ, я ѣлъ безъ пощады людей — это не предосудительно, по духу времени; я плясалъ и спалъ вмѣстѣ съ бѣлымъ медведемъ: ахъ какое сострадательное животное! Стоитъ заиграть въ рожокъ, онъ явится, садитесь на него и пожайте. Подобный этому рожокъ надмалъ столько бѣдъ въ Испаніи! Обстоятельства заставили меня дать *ragole d'honneur* одному старику: если онъ заиграетъ на рожкѣ пѣсно, настоящій *gequiem*, я долженъ въ ту же минуту принять ядъ. Между тѣмъ я обвинчался, хотя твердо былъ убѣжденъ, что проклятой музыкантъ никакъ не отложитъ своей погребальной серенады — но, сами знаете, умирать одному не ловко. После брака, проводивъ докучливыхъ гостей, только что я и жена моя вышли, вмѣсто спальни, на балконъ и пустились говорить, что ночь тепла и безмолвна, какъ вдругъ (проклятое замедленіе и поспѣшность!) старикъ затрубилъ изо всей мочи. Я бросился опрометью принять ядъ, и моя супруга, вѣроятно желая вкусить брачныя удовольствія хотя на ложѣ могилы, то же сдѣлала. Мы съели на стульяхъ другъ противъ дру-

га — и уверяли, что яль очень приятенъ. Кроме до-го, я, несчастный! влюбился во Франціи, въ одну раз-вратную красоту, не имѣющую ни вары, ни чести, я почти дѣвственнѣй, модный энтузіазма и невинности! Она сначала не совсѣмъ понимала меня. Вскорѣ на-дѣдалъ я тысячу глупостей; мнѣ отрубали голову, а Маша, такъ звали мою милую, ушла на помощь точ-но также, какъ шутъ Трибуле, когда думая вытащить изъ мѣшка Франциска I-го, Короля Французскаго, до-стала оттуда дочь свою, Бланку. Въ Италіи потомъ, напив-шись виномъ и ядомъ, что называется iugè-mort-мертвец-ки, я убилъ мать мою, не хотѣвшую, не знаю почему, сказать мнѣ, что она моя мать. Наконецъ столько зло-дѣяній побудили Правительство посадить меня въ тюрьму, гдѣ я велъ подробныя записки до самаго то-го времени, когда положили на плаху и отрубали мнѣ голову. Я описалъ бы свои страданія и послѣ этой операциі, но тогда еще не знали, что обезглавленные тѣла живутъ по крайней мѣрѣ часа полтора, а отде-ленные головы столько же времени мигаютъ, изъяс-няютъ негодованіе, когда ихъ бьютъ по щекамъ и прочее. Люди моего знакомства имѣли то же странныя приключенія. Въ Англии фаворитка моя Жанна люби-ла дѣвственною, чистѣйшею любовію столяра Жиль-берта, ее воспитавшаго, и въ то же время, даже на-канунѣ ихъ свадьбы, спала въ развратныхъ объятіяхъ Фабиана. Клодь, мой пріятель, обожалъ цыганку, цы-ганка жандармскаго капитана, поэтъ Гренгоаръ розу, а понамарь Квзимодо-колокола, со всѣмъ сладостра-стіемъ супруга. Случалось ли вамъ видѣть мой темной плащъ изъ листьевъ осени?...

ВТОВОЙ ГОЛОСЬ.

Или мою мантію изъ *ослиной кожи*? я облекъ въ нее цѣлый міръ и цѣлый міръ получилъ отливъ цвѣта той матеріи, изъ которой она сшита. Подъ этой мантіей, мужчина съ гениемъ, посвятившій себя безпрерывнымъ трудамъ, не могъ выработать денегъ на фракъ, между тѣмъ какъ хотѣлъ получить лучше десять ранъ въ грудь, нежели имѣть одну прорѣху на рукавъ. Онъ неистово привязался къ женщинѣ, которая не имѣла ни сердца, ни благородства, ни великодушія, ни доброты, ни сожалѣнія, ни дружбы, ни привязанности — словомъ, ни одного человѣческаго чувства. И, представьте! Эта деревянная статуя могла нравиться!

Не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, онъ бросилъ науки, сталъ играть въ карты, промоталъ имѣніе, проигралъ деньги и едва не утопился. Вотъ до чего доводитъ любовь! Но это не любовь: ясно, что такую женщину нельзя любить, тому, кто имѣетъ хотя каплю эстетическаго чувства, потому что человѣкъ съ самымъ поверхностнымъ умомъ любитъ душу и сердце; а она ихъ не имѣла. Нѣтъ: онъ любилъ въ ней пышность, богатство; хотѣлъ на ней жениться по расчету, — не успѣлъ, и рѣшился прекратить жизнь.

Въ частныхъ сценахъ моей жизни столько подалось мнѣ *грязи, убійствъ и горькаго опыта*, что элементы ихъ могутъ быть подведены подъ слова: *сало, кровь и перецъ*, и весь нравственный бытъ мой выраженъ эмблемою *сосиски*.²

ТРЕТИЙ ГОЛОСЬ.

А *propos des ânes*, хотите ли я покажу вамъ мертваго осла и обезглавленную женщину? Пойдемъ-

те въ госпиталь, посмотримъ на операциі..... Объяснить ли вамъ тайну фабрикованія романовъ? семитысячелѣтній свѣтъ наскучилъ умомъ, истинною и изоществомъ: давайте ему безуміе, ложь и странности! изображайте превратно предметы, называйте великое малымъ, выдавайте мелочи за гигантское. Герой вашъ долженъ страдать — страдать непременно. Причину бѣдствій найти легко: стоитъ только поставить его въ такое положеніе, въ какое онъ, по натуральному ходу дѣлъ, никогда бы попасть не могъ; заставьте его, на примѣръ, влюбиться въ женщину, которая не имѣетъ ни одного чувства и обожателя своего терпѣть не можетъ, или въ уличную красоту, умирающую, послѣ госпиталя, смертоубійства и постыдныхъ объятій тюремщика, на эшафотъ ³; или засадите его, при всей добродѣтели и благородствѣ мыслей, въ острогъ, вмѣстѣ съ ворами, мошенниками и галерѣйными плутами ⁴, или изобразите его въ первую ночь брака, когда онъ въ пламенной неосторожности, обнявъ шею обожаемой невѣсты, удавляетъ ее неумышленно до смерти ⁵. Потомъ рѣзко и многословно опишите состояніе души его: сколько мученій, бесплодныхъ трудовъ, напрасныхъ преслѣдованій и отчаянія! Сколько оскорбленныхъ чувствъ, отравленныхъ думъ, изнеможенія! Сколько ужаса, ненависти въ своей судьбѣ! Сколько раскаянія, паническаго страха, необъяснимой и неизбежной муки совѣсти! И если какой нибудь благоразумный человѣкъ будетъ доказывать, что всѣ эти страданія сущая ложь, потому что положеніе главнаго лица, изъ котораго они истекаютъ, совершенно противу естественно и нелѣпо, тогда публика, лѣнивая разсуждать, подобно придворному Гельвеція, воскликнетъ:

ah Monsieur! je ne veik pas qu'on me reproche! —
Затѣмъ побѣда на вашей сторонѣ и вы провозглаше-
ны гениемъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОЛОСЪ.

.....⁶

ПЯТЫЙ ГОЛОСЪ.

Чу!... въ таинственномъ молчаньи,
Въ снѣ безмолвномъ естества,
Слышно вѣчности сказанье,
Гласъ чуть внятнѣй божества!
Теплымъ чувствомъ, слухомъ нѣжнымъ
Я тотъ голосъ изловилъ,
И одѣвъ земной одеждой
Въ сердце братій перелилъ.
Я недаромъ жилъ! исполнилъ
Назначеніе свое;
Подъ мистической звукъ стронлъ
Лиру, душу, бытіе.
Дѣвственной любви томленье,
Вѣру въ лучшій край души,
.....
Сладость вдоха, слезъ въ тиши....
Грусть, унынье безъ причины,
Легкія какъ вѣтръ мечты,
Матери-земли картины,
Мірозданья красоты;
Свѣжей осени прохлады,
Благовоніе весны,
Дѣвы робкой — пламень — взгляды
Юноши — живые сны, —
Вотъ, что пѣлъ я въ сладкой мукѣ!

Годы за годомъ пройдутъ,
Но мои святые звуки
Вѣрю, знаю — не умрутъ!⁷

Шестой голосъ.

Земли сыны, земли сыны,
Возлюбленные други, братья!
Мы снова соединены,
Придите въ жаркія объятья!

Я тотъ, кто вамъ благовѣстилъ
О добродѣтели, о мирѣ;
Кто вдохновенно такъ грустилъ,
Кто плакалъ сладко такъ на лирѣ!

Поэтъ, философъ и пророкъ,
Сгорѣлъ я жертвенной свѣчою;
Жизнь — міру, смерть — себѣ пророкъ,
Простился съ матерью-землею —

И улетѣлъ въ сѣнь облаковъ,
Къ отцу любви, къ отцу творенья.
«Узнали ль сына вы боговъ,
«Любимца музъ и вдохновенья?»⁸

Седьмой голосъ.

Съ глубокимъ разумомъ, съ мечтою безпокойной,
Съ неукротимой волей, съ мракомъ думъ,
Съ ученостью гигантской и нестройной,
Я слушалъ не вотще былыхъ дѣяній шумъ.....

*(Нѣсколько голосовъ элегическимъ
тономъ вопять;)*

Слѣпцы! Чтобъ слезы лить, на то даны намъ очи!

Осьмой голосъ. Онъ какъ шепчетъ въ
Перо мое — крыло орла; пѣсья — звуки лебедя
умирающаго, не умершаго, вѣноживущаго; рѣчь моя
— водопадъ Кавказскій; на мгновеніе катится онъ зер-
кальную рѣкою, отражаетъ бурное, тучами одѣтое
небо, острыя, разорванныя волнами, скалы и темную
зелень кипарисовъ; потомъ вдругъ дробится на миріа-
ды жемчуговъ, улетаетъ въ облака, гинетъ въ безд-
нахъ, горестно воеетъ въ ущельяхъ; брызжетъ на грудь
смертнаго прохладой и жизнью; колетъ ее огненными
иглами, ядовитыми и смертельными, какъ рана Чер-
кесскаго князя....

Графъ Мецъ (*приподнимался на-
постели*)

Кто этотъ юноша? Торквата Тасса дѣнь,
Какъ другъ, хранить его священнымъ осквненьемъ;
Въ задумчивыхъ очахъ горитъ безсмертья дѣнь,
Уста наполнены небеснымъ пѣснопѣньемъ.
О родина! Внемли священный этотъ гласъ:
Онъ драгоцененъ, чистъ и вѣченъ, какъ алмазь.
Мысль творческой души намъ созидаетъ драмы,
Для конхъ нѣмъ актеръ, театра тѣсны рамы....
Какъ вятенъ гимнъ его и вмѣстѣ какъ высокъ,
Какъ чувствомъ близокъ къ намъ и какъ умомъ далекъ!
Свершай же славный путь въ поютъ, на свободѣ,
Не слушай похвалы и порицанья словъ! —
А мы склоняемся, благодаримъ боговъ:
Возсталъ поэтъ въ тебѣ.....

Девятый голосъ.

Во время счастливаго и долготѣянаго царствованія
Халифа Алманзора, въ одной изъ подвластныхъ ему
провинцій, жилъ былъ Улемъ Абдалла Сеннаремъ,

мудрейшій изъ всѣхъ Улемовъ, потому что онъ зналъ не только языки шира, но и всѣ науки свѣтлаго Востока и туманнаго Франкистана. Добросовѣстно употреблялъ онъ свое глубокое просвѣщеніе на образованіе гражданъ, переносилъ ихъ чародѣйскою рѣчью въ міръ минувшій, изображалъ вѣрно обычаи людей прошедшихъ вѣковъ, училъ нравственности, внушалъ мысль объ ничтожествѣ: ибо сколько народовъ были — и исчезли! Но исторія сохранила ихъ добродѣтели и пороки; вѣчное потомство произноситъ имъ благословеніе, или проклятіе.

Къ несчастію, его глубокое ученіе, его въщающій истину и мудрость гласъ, былъ гласъ вопіющій въ пустынь: онъ возбуждалъ только бесплодное удивленіе другихъ маловажныхъ Улемовъ, а чаще ихъ зависть. Одноземцы же Абдаллы считали его краснорѣчивымъ сказочникомъ — и только!

Десятой голосъ.

.....

Одиннадцатый голосъ.

.....

Съ душой всемогущей, съ рѣчью жгучей,
Съ строгою стройной и летучей,

.....

Благой природы дарованье
Я на Кавказѣ возрастилъ,

.....

Горь недоступныя вершины
Преобразивъ въ святой алтарь,
Поэтовъ Русскихъ геній, царь,
Какъ зеркало я отразилъ
Черкесской волности картины.
Суровой нравился народъ

Душѣ, природой вдохновенной,
Съ нимъ забывалъ край не-погоди,
Край родины.
Скалы! эмблема бытія!
Души моей! Недвижны, дикѣ,
Какъ я, печальны и велики,
И одинокія, какъ я!
У васъ учился я терпѣть,
Подъ снѣгою вашей строилъ лиру,
Тамъ перенялъ я въ громахъ пѣть.....
.....
.....
Гоненье рока прекратилось,
Вновь родину я увидалъ,
Но сердце, средь гостинь и залъ
Степей искало, въ лѣсъ просилось.....
Не ослѣплялъ его туманъ,
Ни славы гласъ, ни дѣвъ зазывы,
Я воспѣвалъ бродягъ — цыганъ
И прелесть вольную Земфиры.
Извѣчивъ, гибокъ, какъ Протей,
Зарницей, молніями рѣвалъ,
И душею бурею страстей,
Какъ вѣтеръ Африканскій вѣвалъ.
.....
О мой чистѣйшій идеалъ!
Благословенно то мгновенье,
Когда твое изображенье,
Трепещущій я начерталъ!
Души любимое дѣтя,
Цвѣтъ сѣвера, краса Россіи!
Ужель забудеть міръ тебя,
Вѣковъ поглотятъ волны злыя?

Нѣтъ! сердца огненный **взвѣтъ**:
 И чрезъ пять столѣтій **тронетъ**:
 Невинной, доброй Тани ликъ
 Временъ въ пучинѣ не утонетъ!
 Созданье вдохновенныхъ рукъ
 Прославится въ изящномъ **свѣтѣ**:
 Ты вступишь въ свѣтлый сонъ **подружь**
 Байрона, Шиллера и Гете!
 Потомъ гаремъ Бахчисарая,
 Мечтатель мрачный, **посѣтилъ**;
 Потомъ въ Полтавѣ я бродилъ,
 Мазепу съ Марьей вспоминая.
 Подслушалъ страшный разговоръ
 Моцарта съ демономъ Сальери;....

(Месяц погружается въ глубокий сонъ).

СЦЕНА II.

Зеленая гостинная, фантастически драпированная бѣлымъ атласомъ; въ углу фортепьяно; у Венеціанскаго, съ полуопущенными гардинами окна, сидитъ дѣвица; противъ нея стоитъ Мецъ; одна рука на груди, другая простерта; лицо покрыто блѣдностью вдохновенья. Дѣвушка держитъ себя благородно.

Графъ Мецъ.

Властительница бытія,
Царица думъ, судьба моя!
Позволь весь тайный міръ желаній
Передъ тобой изобразить,
И сердце жертвой воскурить,
И ткань развить моихъ мечтаній!
Пусть милость мнѣ, иль строгій судъ
Уста святые изрекутъ!

Въ насъ жажда есть высокихъ дѣлъ,
Въ насъ воля есть: гдѣ ей предѣль?
Въ насъ власти бурныя стремнины,

Мечты могучее крыло
Любви вѣтрило и весло,
И вихрь страстей, и чувство пучины,
И мыслей молнебыстрый свѣтъ —
Но словъ вполне — на это нѣтъ!)

Увы! Такъ я передъ тобой!
Съ рѣчами громкими — нѣмой,
Съ порывами души — безсиленный,
Мои слова, думъ жаркихъ плодъ,
Мертвы и холодны какъ ледъ,
Горячей лавы токъ застылый!
Что ни скажешь, что ни скажу,
Вполнѣ души не обнажу!

Но мыслию твоей святой
Ты въ грудь сойти мнѣ удостой,
Брось взглядъ на жертвенникъ моленья!
И сердцемъ, обращеннымъ въ слухъ,
Подслушай голосъ тайныхъ мукъ,
Мечты, печали, наслажденья!
Проникнувъ душу, сердце, грудь
Измѣрь чувства безпредѣльныхъ глубь!

Представь предъ красоты престолъ,
Пусть обращусь я весь въ символъ
Любви, безъ словъ краснорѣчивой!
Пусть блескъ очей, огонь ланитъ
Сильный о страсти говорить,
Чѣмъ нашъ языкъ многорѣчивой!
Взаимно обвиненный взоръ
Пусть будетъ клятва, договоръ.

Пусть знакъ властительной руки
Сомнѣнья сѣть и мракъ тоски
Разгонитъ, освѣтитъ, развѣститъ.
Душѣ влюбленной дай отвѣтъ:
Скажи, царица! жить, нль нѣтъ?....

Дѣвушка.

Какъ маменька моя прикажетъ.

Графъ Мецъ (*изумленный, послѣ
нѣкотораго молчанія.*)

Теперь колѣна предъ тобой
Склоняю съ робкою мольбой,
Разсѣй мое недоумѣнье!
Душѣ смятенной дай отвѣтъ,
Скажи, царица! жить нль нѣтъ?

Дѣвушка.

Безъ маменькина позволенья?

Графъ Мецъ (*вскакиваетъ, скорыми шагами проходитъ по комнатѣ; потомъ садится за фортепьяно; акордъ изъ Ромео и Юліи, поетъ.*)

Душа! зачѣмъ горишь огнемъ
Любви святой, любви несчастной!
Ахъ, пламень чистой и напрасной
Предъ ней, какъ искра предо льдомъ!
На сердца страстнаго моленья
Безмолвно, глухо божество;
Моя тоска, мои мученья
Ему забава, торжество.

Кумиру, каменнымъ богамъ
Не слезъ, быть можетъ, крови надо?
Кинжаломъ сердце пополамъ

И будетъ смерть — моя отрада!
На блѣдный, бездыханный трупъ,
Быть можетъ, грустный взглядъ уронять;
Ему лобзаніе дадутъ,
Его какъ должно похоронять.

Счастливей мертвый, чѣмъ живой!
Когда бь могила рассказала,
Прахъ всѣми брошенный, нѣмой
Душа какая оживляла!
Когда бы гроба на дверяхъ
Чувствъ смолкшихъ повѣсть начерталась,
Жестоксердая въ вѣкахъ
Убійцей бы именовалась!

И память страшная объ ней
Была бы проклята людьми!
Но ахъ! не въ холодъ нашихъ дней
Участье заслужить страстями!
Чувствительный теперь смѣшенъ,
Необычайное явленье,
И до могилы отъ пеленъ
Предметъ позорный удивленья.

Замри жь моя, разбейся грудь!
Вы, очи! слезы удержите!
Языкъ, какъ смерть безмолвенъ будь!
На сердце жалобы падите.
Пусть бремя горести моей
Отяжелветъ отъ молчанья —
И будто аспидъ средь огней
Убьетъ само себя страданье.

А вы, прекрасные глаза,
Что разумъ мой очаровали!

Пусть вѣчная тоски слеза
Пристынетъ къ вамъ. Чтобъ не видали,
Куда бъ ни обратили взглядъ —
Пусть будетъ всюду тускло, скучно,
Пусть будетъ всюду смерть и холодъ
Красъ безжизненной, бездушнѣй;

Пусть вьнетъ подъ ея стопой
Земля, какъ нынѣ увядаю;
Изъ устъ ея пусть вѣетъ зной,
Какъ отравленный я сгараю.
Пускай ее оставитъ Богъ,
Какъ я безжалостно покинуть:
Не примутъ люди смертный вздохъ,
Земли на гробъ ея не кинуть.

Дѣвушка.

О, замолчите! Ради неба перестаньте!
Вдругъ столько клятвъ! Вся кровь остановилась!
Что, если хоть одна исполнится?

(Месяцъ закрываетъ лице руками, кладетъ голову на фортепьяно; дѣвушка отходитъ въ сторону.)

Ужасно!

Какой жестокой, страшный человекъ!
Что за любовь его? Въ ней капли нѣтъ разсудка!
Сначала, бредъ фантазій, какъ въ одѣ,
Потомъ заклятія, угрозы, какъ въ балладѣ! *(улыбался)*.
Перепугалъ меня смертельно!.... Странный!
Чѣмъ душу онъ хотѣлъ увлечь? — и сердцу
Какую перспективу счастья указалъ?
Богатство ль, почестъ раздѣлить со мною,
Какъ съ избранной подругой, общался —
И розу слабую, что женщиной зовутъ,

Замѣтную одной красой недолгой,
Давалъ обѣтъ ввести въ кругъ знаменитый,
Сравнять раздѣломъ славы съ мужемъ славнымъ?
Ни мало! онъ мнѣ даже не сказалъ,
Какъ велики и гдѣ его имѣнья,
Не намекнулъ, министръ онъ, генералъ ли!
Твердить одно: «любилъ, влюбленъ, люблю!»
Тому вотъ пятый на исходе мѣсяцъ!
Пора притти въ себя! крестьянинъ всякій
Въ меня влюбиться можетъ; но любить
Крестьянина должна ли, захочу ль я?

*(Смотритъ внимательно на Меца, сидѣщаго
въ презрѣмъ положеніи).*

Однако же приличье требуетъ, хоть слово
Сказать въ отвѣтъ пѣвцу влюбленныхъ гимновъ!
Лице его мнѣ нравится; походка,
Слогъ рѣчи, поступь, стройныя движенія —
Все дышетъ знатностью и благородствомъ.
Кто знаетъ?.... можетъ быть..... но нѣтъ — смѣшишь,
Ревнивъ, тяжелъ и страшенъ онъ для мужа!
*(Подходитъ къ нему, беретъ его за руку;
Мець поднимаетъ голову.)*

Любезный Графъ! Прошу у васъ прощенья,
А въ чемъ — не знаю. Право я себя
Считаю совершенно невиновной!
Въ своихъ рѣчахъ, какъ я могла замѣтить,
Вините вы меня въ холодности какой-то,
Безчувственной зовете..... но языкъ
Всегда ли вѣрный изъяснитель сердца,
Когда въ жару о страсти вы твердите,
Или когда я отвѣчаю вамъ,
Неумолимому покорная приличью?
Не увлеченъ ли — *вашъ* — желаніемъ надменнымъ,

Упорностью своей достигнуть цѣли?

А мой — не сжованъ ли суровымъ общежитьемъ

И робостью дѣвическаго сердца?

Избытокъ скромности — излишекъ изъясненій!

Сказали много вы — я больше затанла,

Сказали много словъ — я больше чувствъ сокрыла!

Графъ, мы не въ Африкѣ! Увѣрьтесь, мнѣ нельзя

На первый вызовъ вашъ запѣть дуэтъ любовный!

Скажу вамъ откровенно, — и хоть стыдъ

Огнемъ мой ланиты покрываетъ,

Хотя не должно женщинѣ давать

Урокъ въ благоразуміи мужчинѣ, —

Но, такъ и быть, скажу: зачѣмъ о сватовствѣ

Сначала съ маменькой, по принятымъ обрядамъ

Не переговарили вы? — Потому,

Когда бъ она, сообразивъ вашъ родъ,

Характеръ, образъ мыслей, мѣсто въ свѣтѣ,

Дала согласіе, — тогда бы у меня

Руки и сердца требовать успѣли.

Вы начали съ конца. Кто знаетъ, сколько бѣдъ

Готовите поступкомъ неразумнымъ!

Любовь ничто иное, какъ привычка:

Бывая вмѣстѣ съ вами каждый день,

Внимая рѣчи, полныя заразы,

Могу я..... если жъ маменька моя

Соединить навѣкъ насъ не захочетъ,

Тогда, любезный Графъ, за что меня убьете?

Графъ Мецъ *(скакиваетъ, съ жаромъ хватая ея руку.)*

Дражайшая! А если мать твоя,

Которую молить буду.....

Слезами, посвященьемъ жизни, смертью, —

Меня счастливымъ сдѣлать согласится —
Тогда что скажешь ты, у стопъ которой
Лежить теперь душа моя и сердце?
О Клавдія! Что скажешь ты?... Отвѣтствуй!

Клавдія.

Увидимъ..... но впередъ ни слова: вѣрьте,
Скомпрометировать себя легко на свѣтъ!

Графъ Мецъ.

Довольно, — понялъ я! довольно!....

*(ходитъ въ сильномъ волненіи по комна-
тѣ, потомъ останавливается противъ
нел.)*

Сколько

Потребно времени, событій, правилъ,
Перерожденій, горя, просвѣщенья,
Чтобы бездушный этотъ стройный мраморъ,
Подъ ложнымъ видомъ челоуѣка скрытый,
Преобразить на самомъ дѣлѣ въ челоуѣка!
Чтобъ сердце въ этой груди билось не машиной
Физической, а чувствомъ; чтобы взоры
Свѣтились не хрусталемъ и глянцемъ,
А пламенемъ души; чтобъ грубая кора
Расчета, эгоизма въ прахъ упала,
И въ статуѣ богиню показала!

Но пусть придетъ второй Пигмаліонъ,
Не оживить тебя любовью онъ!
Какъ мумія, ты гордостью обвита,
Хладна какъ сталь, безчувственный гранита!
Зачѣмъ дала тебѣ природа въ даръ
И устъ коралль, и локоновъ лнтарь,
И брови легкія дугою соболевой?
И стройный станъ стрѣлою тополевой?

Зачѣмъ очей сафиръ и брилліантъ,
Какъ звѣзды осени, пламенно горятъ?
За чѣмъ лебязь гибкость въ стройной шее;
Въ ланятахъ розы, на чель лилеи?
На что та нѣга, роскошь, красота, —
Гармонія огня, цвѣтовъ и свѣта,
Которой ты, какъ радугой, одѣта?
На что высокихъ персей полнота,
Когда нѣтъ сердца въ дивной груди этой,
Когда душа у тѣла отнята?

(Клавдія съ негодованіемъ отходитъ и садится; Мецъ приближается къ ней.)

Простите, Клавдія! Увлекся я страданьемъ.
Что есть, то иначе не можетъ быть:
Не странно ли горѣть ребяческимъ желаньемъ:
Ледъ вспламенить, а пламя охладить?
Такъ! пламень страсти вѣкъ не охладѣетъ!
Жилецъ всегдашній, не минутный гость,
Тогда угаснетъ онъ, когда мой прахъ согнѣетъ
Въ забытую червами пещи горсть.
Очаровательница! твѣню неизбежной,
Пойдешь за мною всюду! Счастливъ тотъ,
Кто юныхъ дней съ подругой прежней
До старости покойно доживетъ.
Насытя страсть привычкой, наслажденьемъ,
Забудетъ онъ, легко перенесетъ,
Что постепенно сладкимъ сновидѣньемъ
Ликъ красоты потускнетъ, пропадетъ.
Но я, не такъ! Твой образъ вѣчноюный
Въ мечтахъ встревожитъ душу старика!
Кровь нѣги жаждой закипитъ безумной,
На грудь падетъ ревнивая тоска!
За столько бѣдъ, хотя храни молчанье,

Хотя не слушай, очи отарати,
Позволь мнѣ горе высказать стеманьсь,
Сказать тебѣ последнее *прости* (*береть ея руку.*)

Твою я прижимаю руку
Къ груди — на вѣчную разлуку!
Увы! какъ гробовой гранить
Она мнѣ сердце тяготить,
Язвить, какъ остріе кнѣжала!
Чѣмъ больше время пролетить,
Тѣмъ будетъ глубже эта рана,
(смотреть ей въ лице.)

Невольно жадный взоръ очей
Пьетъ чары красоты твоей!
Свершилось! адъ нещѣлимый
По жиламъ пламенемъ протекъ, —
Теперь сбылся жестокий рокъ:
Любить вѣкъ буду, не любимый,
И хоть сужденъ въ тоскѣ изныть,
Но не могу тебя забыть!

(приклоняетъ колѣна.)

Жестокосердой на колѣни
Клоню покорное чело;
Позволь лобзаніе одно
Въ награду тысячи мученій! ...
Мнѣ сердце молніей зажгло
Къ роскошнымъ формамъ приближенье,
Душа кипитъ въ жару томленья!
Позволь лобзаніе одно,
Последнихъ не отринь моленій

*(въ иступленіи цѣлуетъ ея колѣна, смущенная
Клавдія безмолвствуетъ; входитъ высокая, худая
фигура франта, на порогъ останавливается и внимательно лорнируетъ.)*

Клавдія (*увидя, вдругъ вскики-
вается.*)

Ахъ, Боже мой! Вы здѣсь!.. Сирь Блемъ!!!

(*убѣгаетъ изъ комнаты въ боковую дверь.*)

Сирь Блемъ (*сквозь зубы.*)

Годдемъ!

(*подходитъ мърными шагами
къ Мецъ.*)

Сейчасъ я только отъ отца

Миссъ-Клавдіи: онъ далъ ея мнѣ руку,

А вы цѣлуете ей ноги..... чтобы штуку

Сыграть вполнѣ, недолго ждать конца:

Моя обида жаждетъ мести.

Въ любви кто виноватъ, кто правъ,

Для объясненія, предлагаю, Графъ,

Дуэль на самомъ этомъ мѣстѣ.

Графъ Мецъ.

Но секунданты, Сирь! При томъ мы безоружны.....

Сирь Блемъ.

Хоть первые совѣтъ не нужны,

Но пусть по формѣ будетъ драка!

Мой секундантъ — легавая собака (*указываетъ на при-
шедшую за нимъ собаку.*)

А вапъ..... угодно ль? мой жокей,

Арапъ Селимъ, честнѣйшій изъ людей (*входитъ изъ пер-
редней Арапъ.*)

Гей, пистолеты намъ!.... я ихъ вожу съ собой

Всегда, на случай сплина, или дуэли.

Въ одномъ зарядъ, другой пустой;

И въ семь загадочномъ раздѣлѣ

Прошу васъ выбрать, Графъ, любой (*Мецъ беретъ одинъ
изъ пистолетовъ.*)

Теперь садитесь..... (садятся другъ противъ друга.)

Дула въ ротъ.

Вашъ секундантъ рукой махнетъ,

Мой секундантъ тотчасъ брехнетъ,

По лаю, спустимъ мы курока, —

А остальное — знаетъ рокъ.

(Вкладываютъ другъ другу въ ротъ pistols; въ сторонѣ Селимъ ставитъ два стула, одинъ противъ другаго; по его знаку, лгавая собака медленно лезетъ на одинъ изъ нихъ, садится на хвостъ, вытягиваетъ морду; на другомъ помѣщается Арапъ; онъ поднимаетъ руку вверхъ...., нѣкоторое молчаніе..... вдругъ опускаетъ руку, собака лаетъ, Мецъ и Блемъ спускаютъ курки, черепъ Блема разлетается въ дребезги.)

ГРАФЪ МЕЦЪ. *(блѣдный, вскакиваетъ со стула.)*

Ужасно! мертвъ онъ! я убійца!....

Куда укрыть теперь преступную главу,

Куда понести разстерзанное сердце!

О родина! О Клавдія! простите!

Прости меня и ты, кровавый трупъ!

Проступокъ мой невольной не вините:

Любовь и совѣсть душу мнѣ сожгутъ!

(бѣжитъ изъ дверей.)

СЦЕНА III.

Густой садъ изъ плодовыхъ деревьевъ: каштаны, грецкіе орѣхи, вишни, яблони, сливы, пышный цвѣтникъ. Ночь.

Графъ Мецъ. *(быстро входитъ.)*

Смертельно надѣли! Стая пьяныхъ!!!
Безмыслицы обширнѣйшее поле
Изъѣздить глупой головы машина,
Когда она, для демонской потѣхи,
Парами винными въ движеніе приведется.

.....
Однако же пора развеселиться:
Душа моя была еще въ гостинной,
Среди бутылокъ, рюмокъ и людей,
Наполненныхъ терновкой и вишневкой,
А ноги между тѣмъ безчувственно топтали,
Цвѣты роскошнѣйшаго сада въ Малороссіи.

(садится на дерновую скамью.)

Прекрасная страна!.....

.....
Здѣсь небо ясно, солнце здѣсь привѣтно,

Свѣтла луна въ безмолвіи ночномъ,
И зноя нѣтъ, и холодъ незнакомъ,
Земля за трудъ едва замѣтный
Сторичнымъ воздастъ плодомъ.
Здѣсь все цвѣтеть, юнѣетъ, веселится,
Плѣнительно дыханье вѣтерка;
Здѣсь ноша жизни такъ легка!
Печалью можно здѣсь съ природою дѣлиться.
Какой тоски не облегчатъ луга,
Блестящія шелковою травою
И рѣчки тихія, любовною волною
Цѣлюющія берега.
Прекрасная страна! Зачѣмъ же намъ сказанья
О сыновьяхъ твоихъ, въ минувшіе года,
Передали лишь слабыя дѣянья
А не усиліе великаго труда?
Среди полночныхъ льдовъ, мертвящихъ человѣка,
Гдѣ каждой шагъ его встрѣчаетъ тьму препонъ,
Гдѣ онъ всѣ дни страдающаго вѣка
Тиранству грозному природы обреченъ —
Родились Норманы. Мятели, снѣги, волны —
Все уступило имъ. Европы всей страны
Потокомъ сѣверныхъ племенъ наводнены:
Царей, героевъ, мечъ и щитъ войны
Примчали по морямъ рыбацки утлы чолны.
Подъ небомъ огненнымъ Египеть, Карфагенъ,
И Нубія — въ степи песчаной,
Подъ вѣяньемъ Сирокко-Римъ вѣнчанной,
Цѣлы, гигантскіе кумиры всѣхъ временъ.
Теперь ихъ больше нѣтъ! но слѣдъ ихъ бытія
Глубоко впечатленъ на цѣломъ новомъ мѣрѣ;
Глаголомъ смолкшимъ ихъ еще полна земля,

Звучить въ законахъ онъ, въ трубъ войны, на лиръ.
Погасшей жизнью ихъ мы долго проживемъ!
Въ ней свѣточъ истинны найдетъ законодатель,
Въ ней пламенникъ войны зажжетъ завоеватель,
Свобода озаритъ права ея лучемъ.
Почтожъ на сихъ поляхъ, обласканныхъ природой
Одень не родился, Катонъ, иль Аннибалъ?
Здѣсь также, какъ вездѣ, скитались народы,
Но кто жъ изъ нихъ свою намъ славу завѣщалъ?
Украйна! Гдѣ дѣла твоихъ сыновъ почившихъ?¹¹
Иль рокомъ, временемъ они истреблены
И памятники дѣлъ, вселенну изумившихъ,
Подъ пепломъ, пылью лѣтъ отъ насъ схоронены?
Иль для племень людей, какъ для ручья теченья,
Препграда надобна, стѣсненіе, гранить,
Да разъярѣнное препятствіемъ стремленье
Волнамъ мощными всю землю наводнитъ.
А обитатель твой, средь нѣги и забавы,
Въ бездѣйствѣ мирно жилъ, безопасное дитя,
И рано понялъ онъ, что вѣки громкой славы
Не стоятъ одного счастливой жизни дня!....

Со вздохомъ обращается въ сторону, видитъ какой-то инструментъ, беретъ его.

Гитара!!! гибкіе персты
Прекрасной ручки — по струнамъ
Играютъ тайныя мечты,
Передаютъ чувствъ звуки намъ.....

Трамъ! трамъ! трамъ!

Небесъ символныя слова!
Души въ мелодіи разливъ!

Хоть громко говорить струна,
Не всякъ пойметъ вашъ героизмъ!

*

Украины счастливая дочь!
Оксана! милый южный цвѣтъ!
Заснула ты: уже полночь,
Мертва гитара: пѣсень нѣтъ....

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Ахъ, если бъ гласъ твоей души
Сказался снова звукомъ въ ней!
Какъ сладко бы теперь въ тиши
Мечталъ я средь густыхъ вѣтвей.

(начинаетъ пѣть съ акомпаниментомъ).

*

Выдь, богиня! появись!
Заблести въ лучахъ зарницы!
Ароматомъ пронесись,
Просиай звѣздъ въ вереницѣ!
Мѣсячнымъ лучемъ скатись,
Упади росой жемчужной,
Сильфой промелькни воздушной, —
Выдь, богиня! появись!

*

Слышишь? Тамъ журчитъ потокъ,
Онъ тебя зоветъ стenanьемъ;
Садъ, печалась одинокъ,
Ропчетъ листьевъ лепетаньемъ;
Ждутъ тебя цвѣты полей,
Не смыкаютъ устъ дремотой,
И тоскуетъ вся природа
По владычицѣ своей!

*

Выдь, богиня! появиись!...

(Из густыхъ вѣтвей вдругъ выскакиваетъ дѣвушка).

Графъ Мецъ *(вздвигнувъ)*.

Ахъ, Боже мой! Надѣлся-ль? Оксана!!!

Вы испугали радостью меня!

Оксана.

Богиню звали вы какую-то. Не кстати

Я, смертная, восторженный вашъ гимнь

Такъ вѣтренно перервала въ началѣ.

Вы сердитесь? — Иду я.

Графъ Мецъ.

Сядьте, сядьте.

(Сажаетъ ее на скамью подлѣ себя).

Клянусь звездами! Вы одна моя богиня!

Вы вѣте на сердце небесами!

Воспоминанія тяжелой, вѣчный грузъ,

Обиды, горести, которыми томлюсь —

Не чувствую, — все забываю съ вами!

Прекраснѣйшая дѣва! Ангель мира!

Еще мгновение позволь побыть съ тобой,

Насытитъ взоръ невинной красотой,

Грудь напоить дыханьемъ устъ эфира!

Цвѣтокъ смиренный, милый, благовонный!

Гордись тобой Украина, Божій садъ,

А для меня часы послѣднiе летятъ:

Разстануся, прошусь!... но, пилигримъ бездомный,

Вѣкъ буду помнить твой небесный аромать!

Оксана *(преклонивъ голову и опустивъ руки).*

Мецъ, Мецъ! Молчите, заклинаю васъ!

Легко вамъ говорить, и сладко слушать мнѣ ;
Но эта сладость — ядъ; душа полна отравы.....
Съ меня довольно..... завтра вы навѣкъ
Насъ покидаете.....

Графъ Мецъ.

Я долженъ васъ покинуть !

Страну, гдѣ дружбы и любви свѣтило
Роскошно снова мнѣ, привѣтно восходило,
Покинуть долженъ я! намъ жребія не минуть!....
Уже слѣдить преступника гонецъ,
Неумолимъ суровый вашъ отецъ ;
Предметъ застольнаго, пустаго разговора
Межъ насъ причиной сталъ всегдашняго раздора.
Прости, Оксана! добрый, кроткій другъ!
Прости отрада тяжкаго страданья!
Забвенье горести! убъжище отъ мукъ!....

(Слова его прерываются плачемъ.)

Молчишь?.... ахъ, пожелай хоть счастья на прощанье!

Оксана *(поднявъ глаза и руки къ небу.)*

Вы, небеса! Когда въ своихъ судьбахъ
Готовите хотя одно мгновенье
Блаженства, для послушной вамъ Оксанѣ —
Отдайте его Мецу! — мнѣ жъ взамѣну
Всѣ бѣдствія, болѣзни и труды,
Ему на долю падшіе,—пошлите!
Пускай молитвы матери почившей,
Благословенье стараго отца,
Не надо мной, надъ нимъ щитомъ пребудутъ!
Пускай проклятія гонителей его,
Вся злоба ихъ, всѣ хитрости и козни
Надъ головой моею распадутся,
Исполните, примите мой обѣтъ!

Услышите робкій гласъ, котораго узнаю!
Пусть свѣтитъ надъ нимъ вѣгдашней счастья свѣтъ!
Какъ жертву, за него себя я звалъю.

Графъ Мецъ.

О сердце, полное любви! скажи мнѣ,
Чѣмъ заслужилъ твое святое изліянье?

Оксана.

Нѣтъ, милый! Чувствъ моихъ не знаешь ты вполнѣ!
Немного звездъ въ небесной вышинѣ,
Немного волнъ въ бездонномъ океанѣ,
Немного свѣта въ жаркомъ лѣтнемъ днѣ,
Цвѣтовъ и травъ немного на полянѣ, —
Въ сравненіи съ страстною любовью моею,
Она всего безчисленнѣй, сильнѣй!
Земнымъ явленіямъ — здѣсь, на землѣ, конецъ,
Для ней безсмертіе далекое вѣнецъ!
Умножить можно ихъ — ее не увеличить!
Хотя ихъ счесть нельзя, но можно ограничить:
Тѣ звезды куполъ неба обойдутъ,
Брегами — море волнамъ окутеть,
Прекраснѣй свѣтъ ливной ночь мрачная потушить,
Цвѣты полянъ хладъ осени иссушить;
Но гдѣ же мочь, гдѣ воля, гдѣ законъ,
Тиранство власти, тысячи препонъ,
Разгнѣванной природы измѣненія,
Судбы, людей, самихъ небесъ гоненія,
Которыя могли бь въ насъ чувство истребить,
И любящей душѣ велики бь не любить!

кладеть руку на грудь.

Такъ, вѣрую, огонь этотъ — Богъ
Въ груди младенческой зажечь!
То не обманъ воображенія,

Мечтаній преданій меккій родъ,
Страстей тьмиснаго увлеченнаго,
Или привычки дождной влаги,
То ангельской руки порывы,
То жизни будущей разсвѣтъ,
Небесный даръ, Адамомъ, Евой
Переданной людямъ въ завѣтъ;
То жизни творческое слово,
То звукъ гармоніи міровъ,
То чувство древнее, но ново
Всегда, какъ своды облаковъ.
То разъ въ судьбѣ творится нашей,
.....
Когда изъ полной жизни чаши
Устами чистыми пьемъ!

Хотя отраву, не цѣленье
Я выпила изъ чаши той,
Что нужды? Здрѣвшее мученье —
Награда въ области святой.
Отець, надъ міромъ вѣчно ближій!
Позволь печальный бросить край!
Оксанъ, на землѣ скорбачей,
Въ землѣ покой желанный дай!
Но если смертью сохранился
То чувство, конемъ гибну здѣсь,
Позволь въ награду мнѣ молиться
Объ Мещѣ средь твоихъ небесъ!...
(заключается ссезамъ.)

Графъ Мещъ.

Оксана! Другъ, хранитель-ангелъ мой!
Не плачь, тоска твоя невыносима!

Окончи жалобы, укоры прекрати,
Они мнѣ тягостнѣй, мушительнѣе смерти!

ОКСАНА.

Молчать велишь? молчать!

Послушай: тамъ, въ лѣсу, ручей катится;
Хоть, скромный онъ, среди деревь таится,
Но онъ не можетъ не журчать:

Зачѣмъ же камнями его потокъ устлали
И направленіе струямъ иное дали?

Къ ручью родному онъ бѣжалъ,
Чтобъ вмѣстѣ слить ихъ радостный кристаллъ,
Чтобъ вѣчно по одной бѣжать долинь
И утонуть въ одной морей пучинѣ;

Но камнями потокъ его устлали
И направленіе струямъ иное дали!

Теперь онъ ропчетъ средь невнемлющей природы
И смолкнетъ лишь тогда, когда изсякнутъ воды.

Такъ голось страждущей души

Коль хочешь прекратить, то чувство изсуши,
Которое мнѣ грудь больную наполняетъ
И сердце бѣдное питаетъ и снѣдаетъ!

ГрАФЪ МецЪ.

Что говорить, что думать, что начать,

Смятенный, тронутый, растерзанный — не знаю:

Тебя я недостойнъ обожать,

Колѣна предъ тобой невольно преклоняю.....

Меня ты выше чистою душой,

Богаче пламеннымъ, невиннымъ чувствомъ,

Милѣй мечты моей чудесной красотой,

Прекраснѣй райскихъ сновъ — въ твоемъ раздумьи
грустномъ.

Кто думать могъ, чтобъ эта сторона,
Забытая въ глуши ненросвѣщенной,
Хранила перль, сокровище вселенной
И двѣ такихъ — производить могла?
Сюда ваятели, рисовщики, поэты!
Откройте прелести чистѣйшій идеаль,
Достойныхъ жертвъ кому никто не воздавалъ,

.....
Полна мечтанья, какъ Германка,
Прекрасна, какъ Эмады дщерь,
Жива, страстна, какъ Итальянка,
Украины дивный цвѣтъ! Повѣрь,
Гдѣ бъ ни скитался твой поклонникъ,
Изгнанникъ изъ страны святой,
Всегда онъ братъ твой, другъ, любовникъ
И обожатель вѣчный твой.

Голосъ вдали.

Вы говорите, росту семь вершковъ?
Глаза и локоны черны, какъ сажа?
Лице— блѣдно, какъ холстъ?..... Такъ точно: онъ таковъ.
Болтунъ, онъ много вралъ; повѣрите ли, даже
Бранилъ насъ! Чу!..... тамъ шумъ его шаговъ!
За мной!

ОКСАНА (*окаменѣвъ отъ ужаса.*)

Они! Родитель самъ мучителей ведетъ!
Приди въ послѣдній разъ въ горячія объятя!
Пусть голову твою Господь отъ бѣдъ блюдетъ,
Надъ ней мои мольбы, и слезы, и заклатья!.....
Бѣги теперь!..... твой безопасенъ путь;
Отъ взоровъ ихъ сокрыть въ ночномъ туманъ;
Другъ, милый другъ! Ахъ вспомни, не забудь!.....
Прости, прости!..... Готовьте гробъ Оксана!

СЦЕНА IV.

ОТДѢЛЪ I.

(Отрывокъ.)

Огромная, ярко освѣщенная зала; стѣны и потолокъ бѣлые, украшенные лѣвной работой въ старомъ вкусѣ; нѣсколько каминовъ, выложенныхъ чернымъ мраморомъ; нарке шахматни черными и бѣлыми. Балъ. Толпа мужчинъ и женщинъ снуютъся вдоль стѣнъ; Мецъ въ углу, сидитъ, облокотась на большія кресла и положивъ голову на руку.

Изъ толпы выходитъ полный рыляный старикъ; поправляетъ длинныя сѣдые усы; забрасываетъ рукава кунтуша за плечи, беретъ подъ мышку шапку, начинать краковякъ.

.....
.....

Текля (дѣвица.)

Одинокій голосъ мой
Сердце въ комъ пробудить?
Какъ кукушки пѣснь, тоской
Скученъ людямъ будетъ.
Не утѣшить балъ меня!
И родимый танецъ
Протанцую съ вами я,
Грустный чужестранецъ. (подастъ руку Мецъ.)

Графъ Мецъ. *(танцуетъ.)*

Для чего мнѣ не далъ Богъ
Мечъ героевъ славный? —
Я бь сложилъ его у ногъ
Красоты державной!
Для чего царей вѣнцомъ
Я теперъ не вѣнчанъ!
Я упалъ бы въ прахъ челомъ
Предъ царицей женщино!

*(Кракowlкx конченъ; кавалеры и дамы
взаимно кланяются. Начинается
вальсъ. Мецъ въ углу, сложивъ на груди
руки, недвижный смотритъ.)*

Графъ Мецъ.

Подъ безпорядочные звуки
Воздушной, пестрою толпою,
Они, обвинивъ вокругъ стана руки,
Мелькають, выются предо мной.
Порою вѣтръ благоуханья
Весной повѣетъ на меня,
Словъ непонятныхъ лепетанье,
Какъ говоръ листьевъ, слышу я.
Блеснетъ атласъ плечъ бѣлоснѣжныхъ,
То просверкнетъ звезда очей,
То роза расцвѣтетъ устъ нѣжныхъ,
То ночь спадетъ густыхъ кудрей.

Все видитъ глазъ, но впечатлѣннй
Душъ моей не отдастъ;
Звукъ, блескъ и говоръ этихъ тѣней
Къ себѣ меня не привлечетъ.
Танцуй, кто жизнь еще не знаетъ,
Броди, вертись среди людей,

Кто, слабый, ищет и желает
Не страсть, а тень одну страстей.

Но Текля..... милое созданье!
Глаза лазурны и светлы!
Въ раздумьи сладостномъ мечтала,
Ко мнѣ, какъ лучъ устремлены;
Кто этотъ ангель? — Кто? кокетка,
Шалунья, женщина! верь, да
Боготвора ихъ, мы смѣшны.

(Вальсъ конченъ; тогда мужчины и женщины подходятъ къ Текль, задумчиво судящей.)

Старикъ.

Нарядны, чисты и высоки небеса,
Прекрасны хоры звездъ и мѣсяць полюминкій;
Но если солнца свѣтъ торжественный, великій
Ихъ не обрадуетъ, печальна ихъ краса!
Такъ точно ты, царца бала,
Когда откажешься принять участие въ немъ,
Все будетъ скучно, томно, вѣсно.
Будь нашимъ солнцемъ, божествомъ!

(Мѣсяць ангажируетъ ее; сдѣлавъ фигуру въ первой парѣ мазурки, онъ и Текля садятся одинъ подлѣ другаго, вальсъ продолжается.)

Текля.

Вы чужестранецъ?

Графъ Мецъ.

Да, Пани, во всемъ свѣтѣ. Я принадлежу къ людямъ, у которыхъ нѣтъ соотечественниковъ, ибо вѣрую въ добродѣтель, въ вѣрность женщинъ и правоту мужчинъ.

БЛЫСКАВИЦА (*дѣлаетъ фигуру, вы-
бираетъ свою жену Ванду.*)

Я на прощанье завѣщать
Хочу предметъ единый:
Прошу хранить и воспитать
Трехмѣсячнаго сына.

Забудь, что было между насъ,
Намъ не даль Богъ согласья,
Но на дѣтей не должно пасть
Родителей несчастье.

Ему тѣ чувства въ сердце влей,
Что насъ еще родили,
Хоть образъ мыслей и страстей
Навѣкъ насъ раздѣлили.

Гласъ справедливъ подъ чашъ людской,
Ему намъ вѣрять должно:
Женою можно быть дурной,
Но матерью не можно.

(Ванда отираетъ слезы)

Текля (*обращаясь къ Мецу.*)

Вы никогда не служили? что вы дѣлаете на
свѣтъ?

Графъ Мецъ.

О, я не служилъ, потому что трудился для того,
для чего создало меня Провидѣніе. Я ничего не дѣ-
лалъ, потому что дѣло в работа у людей одно и то же.

Текля.

Какая же между ними разница?

Графъ Мецъ.

Работа выродокъ необходимости, обстоятельство,
предразсудокъ, нужды; дѣло; — дитя внутренняго
меченія, внушеннаго Богомъ.

Венсъ (танцуетъ.)

Блескъ свѣжихъ пурпурныхъ лавить;
Отвагой грудь мою лонть;
Свѣтъ проникающихъ очей
Даетъ мнѣ тысячу мечей;
Внимая словъ сладчайшій звонъ,
Я Голиафъ, Милонъ, Сампсонъ;
Кто остановитъ мочь мою,
Когда надѣюсь и люблю?

Текля.

И такъ вы не работали. Къ какому же классу
дѣлателей вы принадлежите?

Графъ Мецъ.

Къ классу, которыхъ благоразумные люди назы-
ваютъ горячешными, потому что этотъ классъ видить,
что другимъ не видно, составляетъ образы, которыхъ
природа не производила. Къ классу, облакивающему
бѣдствія другихъ, нерадящему о своихъ собственныхъ
несчастіяхъ; умирающему въ тюрьмѣ и оковахъ, для
свободы и благосостоянія своихъ гонителей. Впрочемъ,
это въ натурѣ вещей. Не правда ли, Пани, что до-
бродѣтельные люди живутъ для того только, чтобы
работать на злыхъ?

Текля.

Что это вы говорите?

Графъ Мещъ

И такъ какъ послѣднѣе герадо многочисленнѣе, всегда нервнѣе, то нервнѣе оченъ, оченъ тяжело.

.....

Текля.

Но безъ этого, что же бы дѣлали люди?

Графъ Мещъ.

О, конечно, Пани, чтобы они дѣлали, если бы не дѣлали глупостей и не исправляли сдѣланныхъ! Но мы отделились отъ предмета. И такъ я принадлежу къ классу ясновидящихъ — сповидящихъ, скажутъ многіе. Мученикъ изящнаго, обожаю его отгѣнки въ природѣ, въ искусствахъ, въ людяхъ. Вотъ отъ чего смотрю такъ радостно на ващъ образъ, и если бы я не зналъ свѣта, если бы года три тому назадъ, я бы назвалъ васъ ангеломъ, изъ сердца своего сдѣлалъ бы алтарь и посвятилъ бы вѣкъ свой вамъ на служеніе.

Текля.

И такъ вы не любите женщинъ? Они не удовлетворяютъ тѣхъ высокихъ ожиданій, понятій, которыя вы объ нихъ имѣете? Философъ 19-го столѣтія! Я не сержусь, потому что вашъ недостатокъ — порокъ вѣка, а не человека.....

Графъ Мещъ *(глядя на Теклю — тихо.)*

Ея глаза жгутъ мою душу. Сколько въ нихъ силы, сколько въ ней любезности, красоты, гармоніи! Природа дала всѣ средства быть здѣшнимъ женщинамъ кокетками. Съ перваго взгляда заводятъ онѣ въ лабиринтъ очарованій; выведетъ ли меня изъ него нить разсудка?

(громко.)

Такъ, Пани! Я не люблю женщинъ, — какъ несчастный мореплаватель отвращаетъ слухъ отъ обольстительнаго шопота струй, потому что волны поглощаютъ никогда все, что нивель онъ драгоценнаго; какъ затворникъ трепещетъ при взглядѣ на цветы, напоминающіе ему увядшіи цвѣты жизни и насыпь, подъ которой спать въчуждымъ снегомъ его любезная; какъ бѣдный житель Везувія съ яростію разбиваетъ красивый сосудъ изъ лавы, никогда засыпавшей его хижину и семейство — всю отраду его осиротѣлаго сердца. Но ихъ чувства, при взглядѣ на эти памятники мнувшаго, можно ли назвать не любовію, ненавистью? Горькое наслажденіе! Печаль, священническая радости! гнѣвъ любви! ненависть обожанія! вздохъ не груди, а души! Слезы не очей, а сердца! Для чего нивель для васъ определеннаго названія на языкъ человека!

Текля.

Но море, потопивъ корабль и все имущество плавателя, развѣ не бережетъ иногда для него безцѣннаго перла, который сторицею наградитъ утрату; цвѣтокъ, чародѣйскимъ, роднымъ благоуханіемъ развѣ не навѣваетъ святыхъ сновъ на сердце отшельника, не вѣгаетъ въ душу его мужества и любви къ жизни, не шепчетъ ему, какъ тайный гласъ Серафима: «ободришь! не всѣ сады бытія увяли; есть еще «для тебя тѣнь покоя и сладкій плодъ взаимности;» и лава, покрывшая жилище земледѣла, не даетъ ли ему вмѣстѣ плодоносѣйшихъ нивъ, а съ ними довольства и способа вновь устроить мирное убѣжище, гдѣ онъ можетъ, если не забыть, то облетчить и разделить мнувшія горести на груди новой подруги?

Графъ Мецъ.

Нѣтъ, Пани, нѣтъ, когда океанъ жизни поглотилъ богатство надеждъ, покоя, лѣтъ, въ трудѣ утраченныхъ, здоровья, на борьбу съ его волнами истомленнаго, я бодро еще стоялъ на скалистомъ берегу его. Я думалъ: быть не можетъ, чтобы нѣдра этихъ водъ не сохранили семенъ питанія, не тщетно сѣянныхъ рукою милліона людей, на пищу человечества; быть не можетъ, чтобы солнце избранныхъ, согревая глубь съ начала міра, лучами мыслей и чувствованій, не наполнило до сихъ поръ первобытную тьму ея тепломъ и свѣтомъ; чтобы очи добродѣтельныхъ, роняя каждый день, каждый часъ чистѣйшіе перлы слезъ въ эти волны, не могли въ нихъ отыскать для себя ни одной награжденной жемчужины! такъ думалъ я, и безъ отчаянія смотрѣлъ на зеркальную, предательскую поверхность необозримаго океана, которая манитъ насъ и обманываетъ до могилы; чешутся, какъ удавъ, сафирными отливками неба, блескомъ серебра и золота, чтобы удобнѣе поглотить легковѣрныхъ. Наконецъ смѣло сбросилъ я послѣднія одежды самолюбія и самохраненія и какъ отважный водолазъ, съ крикомъ: «награда «доброму, смѣлому и ищущему!» головой и грудью, ужомъ и сердцемъ разсѣкъ волны, измѣрилъ ихъ пространство, изглубилъ нѣдра..... и что же? всюду мракъ, холодъ, безконечность, пустота, бездна, — и въ ней безобразныя, ползающія чудовища.....

И не говори мнѣ никто послѣ того, что есть гдѣ-то острова, благоухающіе цвѣтами истины и любви. Я рыдалъ, звалъ громко дружеское сердце, мнѣ откликалось одно эхо моего голоса, дабы еще далѣе замечь меня въ пустыню; со мною плакалъ крокодилъ,

чтобы приманить и растерзать меня. И если подадутъ мнѣ сосудъ — изъ лавы, сожегшей мое счастье, — изъ земли, поглотившей мои мечты, — изъ коралла, распоровшаго мнѣ грудь въ плаваніяхъ, изъ чего бы ни было, я не обольщусь его радужною шлифовкою, въ дребезги разобью его — и убѣгу: потому что какой бы онъ ни былъ, въ немъ отравя.

(оскакиваетъ со стула, прочія пары, принимая это за окончаніе танца, расходятся.)

СЦЕНА IV.

ОТДѢЛЪ 2.

Пышная комната, обставленная диванами; двѣ лампы разливаютъ тусклый свѣтъ; въ углахъ дымятся куренія; Текля сидитъ на диванѣ; у ногъ ея Мець на табуретъ.

ТЕКЛЯ.

Сюда отъ всѣхъ бѣгу! тутъ мнѣ приютъ единый!
Не жжетъ тутъ жениха ревнивый взоръ,
Не ледянитъ завистный глазъ подруги,
Не слышу говоръ свѣта нестерпимый!
Здѣсь не язвить отца угроза и укоръ,
Не предлагаетъ другъ измѣны и услуги.
Здѣсь прихожу въ себя. Отраднo мнится мнѣ,
Что странствіе мое минуло на землѣ;
Что этотъ полусвѣтъ, что этотъ мракъ куреній —
Что нужды, облака ль, иль преисподней дымъ —
Но только не земля. Легко мнѣ; вновь я съ нимъ,
Съ виной моихъ восторговъ и терпѣній!
Да не придетъ сюда притворщикъ, льстецъ, тиранъ!

Страши ихъ, комната, какъ кадобитный курганъ,
Замкнися дверь, какъ крышка гробовая!
Пускай спасусь отъ нихъ въ сей похоронный храмъ,
Для свѣта — мертвая, а для любви — живая!

Графъ Мецъ (умираетъ)

Любовь? — Мгновенный блескъ зарницы:
Освѣтитъ, — видимъ чудеса:
Предъ нами вскрыты небеса;
Восходимъ въ нихъ, летимъ какъ птицы, —
Померкнетъ вдругъ: на поль-пути,
Что дѣлать и куда идти?

Нельзя межъ небомъ и землей
Висѣть заблудшею звездой;
Нельзя до неба долетѣть:
Куда же душу, сердце дѣть?
Объ камень, видно, гробовой
Разбить составъ ихъ огневой!....

Текля.

Не говори такъ: есть любовь,
Взаимности плодъ, не мечтанья,
Двухъ душъ родныхъ святое сочетанье
Подъ счастливый семейный кровъ.
Зачѣмъ искать намъ изступленья,
Сзывать на землю небеса?
Иль бытїя мертва краса
И нѣтъ земнаго наслажденья?
Простой, уединенный дождь,
Рѣка, богатое селенье,
Храмъ Божій, темный садъ крутомъ,
Труды, довольство и веселье!

Какъ много счастья обретенъ,
Мы въ деревенскомъ новосельи!

Тогда, забывъ мятежный свѣтъ,
Своею собственной рукою
Сготовлю, принесу обѣду
И раздѣлю его съ тобою,
Нѣжнѣйшихъ ласкъ монхъ предметъ,
Супругъ, дарованный судьбою!

Въ задумчивый, вечерній часъ
Свои открою фортепьяно,
Спою, сыграю тотъ романсъ,
Любовь гдѣ въ грезахъ измѣлась,
Которыя сбылись для насъ
Безъ уменьшенья, безъ обмана!
Безъ слезъ не будетъ онъ пропетъ!
Ихъ приметъ любящей душою
Воспоминанія предметъ,
Другъ, предназначенный судьбою!

И тихо, тихо мы поидемъ
Въ спокойствіи прохладной ноци,
Подъ сводъ сосновой, темной роци,
И на колѣни тамъ падемъ:
Тебѣ вновь Тебя покланяется
Звѣздами, небомъ и луной,
Что вѣкъ союзъ любви святой
Не ослабѣетъ, не порвется;
Что не измѣнять крылья лѣтъ,
Угрозы, клятвы и гоненья
Душевныхъ чувствъ къ тебѣ, предметъ
Всегдашнихъ ласкъ и попеченій!

Какъ поселанка, буду я
Служить, любить, жить для тебя!
Съ тобою радью труды,
Заботы, радости, мечты;
Въ часъ сна на перси положу
И поцѣлуемъ разбужу;
Отъ міра я хочу уйти
Къ тебѣ, — и міръ въ тебѣ найти;
Хочу я сердце истощить
Любовью, — жизни моею нить
Съ твоею, что рокомъ ни дано,
Свить на одно веретено.
Пусть темная соткется ткань,
Гоненье, нищета, печаль;
Пусть цѣлый свѣтъ насъ проклянетъ, —
Но Текля нити не сорветъ.

Графъ Мецъ *(прерывая)*.

О перестань! не мучь меня напрасно;
Къ чему мечтательный, обманчивый обѣтъ,
Который выдержать душа не властна,
Который истребить года, привычка, свѣтъ;
Ахъ, было время! Вѣрилъ простодушно
Я счастью мужа, вѣрности жены;
Но гдѣ же вы, неопытности сны,
Зачѣмъ распался метеоръ воздушной!
Не каждая ль супруга въ день вѣнца
Клянется въ пылкой страсти безъ конца?
И какъ теплы, какъ ясны ея грезы!
Всѣ клятвы отъ души, и всѣ отъ сердца слезы!
Смотрите: къ нилему склонилась на плечо,
Цѣлуетъ щеку жадно, горячо,
Станъ обвиняла дрожащими руками

И шепчетъ пурпуровыми устами
Слова, которыхъ звукъ всегда на правду схожъ,
А въ самомъ дѣлѣ, имъ невдомая, — ложь!

Прошло лѣтъ пять,
Не правда ль, любятъ блаженные супруги?
Ахъ, дней вѣнчанія не возвратитъ опять,
Жена скучнѣй любовницы, подруги;
Задумчива, грустна. Благоразумный мужъ
Вертится, умствуетъ и ползаетъ, какъ ужъ;
Пчела уже безъ меда, хоть безъ жала;
Довольства, вѣрности для сердца мало,
Все есть: покой, увѣренность, участие,
Богатство, тишина, — не достаетъ лишь счастья!

Прошло еще пять лѣтъ —

И нѣжности предметъ — ненависти предметъ!
Какъ измѣнилась женщина постыдно!
Изъ ангела является ехидна,
И сердце, полное небесныхъ чувствъ,
Не понимающее хитрости и мщенья,
Теперь, снѣдая молча грусть,
Въ жестокомъ хладѣ пресыщенья, —
Кинжаломъ, ядомъ разорвать готово
Союзъ супружества, остылый и суровой.
И до того теперъ унижена, слаба,
Такъ небрежетъ приличья тщетной маской,
Что скучной и противной мужу лаской
Готова наградить послѣдняго раба.
А онъ!.... зоветъ на помощь всѣ законы,
Онъ жалуется всѣмъ, обманщикъ и тиранъ,
Чтобъ укрѣпить ослабшія оковы,
Которыя давно, давно расторгнулъ самъ.

Вотъ путь супружества!... Но пусть блаженство ждетъ.
Меня съ тобой счастливымъ исключеньемъ:
Но Мецъ, страдалецъ Мецъ, въ путь этотъ не войдетъ,
Не повлечетъ съ собою Текля ухищреньемъ.
О добрый другъ! забыла ты отца,
Ко мнѣ онъ дышетъ злобою народной!
И ты ль меня даришь рукою несвободной,
Льстишь счастьемъ невозможнаго внца!
Онъ проклинаетъ тебя!....

Текля.

Пускай, пускай клянетъ!

Но изъ растерзаннаго сердца
Мнѣ небомъ отданнаго Меца,
Онъ не отниметъ, не возьметъ!

(задумывается).

Когда блаженство въ нѣдрахъ брака
Съ тобою мнѣ не суждено,
Я счастья не нищу призрака,
Но сердце не охлаждено!
Я не противлюсь, я готова
Отъ лучшей цѣли бытія
Отречься для судьбы суровой,
Но Текля все твоя, твоя.

Коль обладанье мнлымъ—ложно,
Увѣренность — одинъ обманъ,
Когда въ супружествѣ не можно
Всегда равно горѣть сердцамъ;
Когда измѣна, пресыщенье,
Необходимо съ нимъ слиты, —
То лучше неосуществленье,
Чѣмъ разрушеніе мечты!

Душамъ высокоить, благороднымъ
Не нужны цѣни естества!
Сердце знушенемъ самороднымъ,
Глаголомъ тайнымъ божества
Они въ дѣлїяхъ водны.
Они земли возвысятъ страсть,
Они найдутъ, непобѣдимы,
Тамъ счастье, гдѣ другимъ напасть.

Пусть разлучаютъ долгъ и люди;
Но и въ разлукѣ есть союзъ:
Тебя въ моей увижу груди,
Съ тобою въ мысляхъ обнимусь;
Къ тебѣ я полечу душою,
Ты прилетишь ко мнѣ своей, —
И этой ангельской любовью
Счастливей будемъ всѣхъ царей!

Ахъ, покажи мнѣ то свѣтило,
Что въ небѣ ты своимъ нарекъ,
Чтобы въ полночной часѣ унылой
Къ нему летѣлъ мой взоръ и вздохъ!
Чтобы въ одно и то же время
Въ немъ наши встрѣтились глаза
И, облегчая грусти бремя,
Лилася общая слеза!

Ахъ, назови мнѣ цвѣтъ любимый;
Его, какъ кладъ я сберегу!
Разлуки грустію томима,
Къ нему тихою прибѣгу.
Испивъ его благоуханье,
Я оживлю убитый духъ, —

И буду думать: въ немъ лобзанье
Оставилъ отдаленный другъ!

Ахъ, завѣщай мнѣ птицу въ полѣ, —
Природы сладкаго пѣвца, —
Которая, всегда на волю,
Поеть любовь, поеть Творца!
Казаться будетъ: въ звукахъ пѣсни,
Мой Херувимъ, мой идеаль,
Изъ стороны далекой, вѣсти,
Зовъ ободряющій прислалъ!

Другъ! Мнѣ не тягостно, не жалко
Прясть одиноческую нить;
Быть вѣчно для тебя Весталкой,
Любовью безъ надеждъ любить,
Питаться горестью, какъ хлѣбомъ,
Постылую мнѣ жизнь беречь,
И ждать, пока позволить небо
Во гробъ давно-желанный лечь!

Графъ Мецъ *(про себя)*.

Зачѣмъ молчу, когда сомнѣнья,
Противорѣчья, грусть — такъ громко говорятъ?
Смысла, Мецъ! Похвальна откровенность!

(обращаясь къ ней).

На сердце не отвѣтъ полнымъ сердцемъ,
Мнѣ ль предъ тобою лицемерить, дѣва?
Обманывать искусными рѣчами,
Согласоваться въ страсти недѣлимой,
Дать клятву, колебаясь въ исполненьи,
Принять обѣтъ, не вѣруя обѣту!
Прельщенную, еще прельщать мечтой,

Заблудшую , вводить въ даль заблужденья!
Невинности довърчивой, слѣпой
Казать въ отравѣ прелесть наслажденья!
Нѣтъ, нѣтъ! — Позволь мнѣ лучше повѣсть жизни
Прочестъ тебѣ правдивыми устами,
Короткую, но горестную повѣсть!....
Немного лѣтъ назадъ я былъ такимъ, какъ ты;
Носилъ богатое, простое сердце,
И твердо вѣровалъ священнѣйшему чувству,
Которое зовутъ любовью; думалъ,
Что человекъ не полонъ, если онъ
Себѣ съ подобнымъ существомъ не слился.
Я полагалъ, что бездна естества,
Пучина мыслей,.....
На ризахъ ночи звѣздные міры,
Противорѣчащій себѣ законъ судьбы, —
Все, что насъ въ грусть и въ восхищенье вводитъ,
Къ чему холодный умъ расчетомъ не доходитъ, —
Приблизится, придетъ, повягну объяснится,
Когда душа съ родной душой соединится!
И, можетъ быть, я правду полагалъ,
Когда горячимъ сердцемъ улетаю,
Чувствъ въ пламенномъ мгновеньи, увидалъ
Блаженство вѣчности, обтованье рая!
И, можетъ быть, я истинну постигъ,
Найдя ее въ душѣ, не вычитавъ изъ книгъ,
Когда открылъ въ порывахъ бурной страсти
Не заблужденіе, а мочь небесной власти;
Когда я разобралъ сказаніе вѣковъ:
«Умъ можетъ многое, но можетъ все любовь.»
Какъ бы то ни было, а по распутьямъ свѣта
Бредаль я съ той поры, ища любви предмета,

Стремлюсь встрѣтиться съ тѣмъ тайнымъ существомъ,
Что предназначено мнѣ въ пару божествомъ.
Но не сбылась мечта! Что день, что новый шагъ,
Не обрѣталъ я вновь, — своихъ лишился благъ!
Тамъ видѣлъ красоту съ веригами расчета,
Здѣсь ангель угнетенъ объ мелочахъ заботой,
Тамъ сердце нѣжное безъ воли и разсудка,
Здѣсь разумъ въ кандалахъ приличья, предразсудка.
Вездѣ страданія, къ богатству жажда, леть,
Притворство, суета, условленная честь;
Вездѣ минутныя, земныя помышленья,
Потускнлыя сердца, блистательный лзыкъ;
Для истины, добра — тяжелъ печальн шагъ,
Для золота — годъ легко уняженъ!

О сколько разъ несчастная мечта
Кумиръ изъ брениа, изъ камня создала!
И въ грудь, которая была хладна, пуста,
Кровь, сердце самое мое перелагала!
И въ темное чело вливала свѣтлый умъ,
Гармонію рѣчей въ безмолвные уста!
Такъ, озаренная лучами ложныхъ думъ,
Являлась ангеломъ — земная красота!

Пріятель часовой обманъ,
Передъ твореніемъ мечты я преклонился,
Жилъ въ немъ, нмъ чувствовалъ, страдалъ и наслаждался,
Боготворилъ мой тлвнный истуканъ, —
До той поры, пока возможно было
Завязывать глаза незнанья пеленой,
Пока еще душа въ себѣ мочь находила
Все въ мірѣ наполнять своею полнотою;
Пока не увидалъ, что я не удволяю,
А расточаю божественныя силы,

Что, погружаясь въ страсть, себя самъ зарывалъ,
Въ hladъ, въ брение безчувственной могилы:
Тогда въ мечтѣ моей узнавъ земную дочь,
Заплакать, уходилъ я прочь.....

Такъ въ мѣрѣ странствуя, отъ странствія усталъ,
Отъ тщетныхъ утомился изысканій!
Взрѣ, юный другъ! нерѣдко я слыхалъ
Речь полную твоимъ подобныхъ заклинаній!
И взрѣлъ часто имъ: но сколько послѣ мукъ!
Измѣна, клевета, насмѣшка, озлобленье,
Какъ змѣи лютыя, на грудь бросались вдругъ!
Чѣмъ слаще сонъ мой былъ, — тѣмъ горче пробужденье!
Сказалъ я самъ себя, оставь отъ вѣчныхъ бѣдъ,
«Нѣтъ неба на землѣ, любви на свѣтѣ нѣтъ!»

А это чувство, это пламя,
Чѣмъ сердце бѣдное больно, —
Борьбы душевной съ тѣломъ знамя, —
Не для земли сотворено!
Въ груди я сохранию останки,
Людамъ его не покажу,
Какъ муро въ драгоценной стклянкѣ,
Съ собой въ могилу положу.
Приду съ нимъ къ Божьему престолу,
Скажу: Отецъ! Вотъ жизни кладъ,
Его я не растратилъ долу, —
Прими теперь его назадъ.
Иль дай мнѣ существо родное,
Чтобъ могъ я съ духомъ духъ сливать,
Дабы нагѣренье святое
Здѣсь возвеличить, оправдать.

И ты, прекрасная дѣвица,
Дня моего вечерній свѣтъ,
Раба, подруга и царица,
Весны моей послѣдній цвѣтъ!
Не увлекай меня напрасно,
Дай мнѣ спокойно вѣкъ дожить,
Въ благоразуміи безстрастномъ,
Путь недалекій довершить!
Волшебной красоты сосѣдства
Остерегаться мнѣ пора!
Ахъ, въ этой сторонѣ кокетства
Любовь — минутная игра.
Здѣсь чувства — время проведенье,
Измямъ — порицанья нѣтъ,
Здѣсь страсть — забава, наслажденье,
Здѣсь клятвы — ласка, комплиментъ.
Мнѣ суждено инымъ родиться,
Я не умѣю разлюбить,
Обманутымъ быть — не сердиться
И легкомыслию извинять.
Въ кругу соотчицей летучихъ
Найти можешь всякой разъ
Готовыхъ юношей, кипучихъ —
И остывающихъ чрезъ часъ!
По нравамъ, коими повита,
Ты гибкой избери тростникъ,
Ласкай, люби его на мигъ, —
Не тронь колонны изъ гранита!
Не сдвинешь камня, не погнешь
И не измѣнишь его вида,
А потряса каріатидой,
Себя въ руинахъ погребешь!....

Но прежде вѣчнаго прощанья
Все, что лежитъ въ груди моей,
Пусть выльется слезой, рыданьемъ,
Потокомъ искреннихъ рычей!
О Текля, Текля! Какъ жестоко
Разувренье познать!
Бродить на свѣтъ одиноко,
Отъ братій, отъ людей бѣжать;
Надъ страстию другихъ смѣяться,
А надъ своею слезы лить,
Жить чувствованьемъ отказаться —
И не умѣть ихъ умертвить;
Красы не признавать святыни,
Что обожаешь, проклинать, —
И сердца грустныя пустыни
Ничѣмъ, ничѣмъ не населять!

(заливается слезами).

Я бдѣнь, Текля! Я несчастень!
Я мужъ, но не сорву пелень!
Умомъ и сердцемъ разногласень
И твердостію сокрушень!...
Меня суровый, горькій опытъ
Отъ чувствъ, отъ страсти сторожить,
Зоветь въ холодный гробъ, торопить, —
А сердце просить, хочетъ жить!....

Какъ безъ приюта голубица,
Скорбитъ душа моя теперь:
Мнѣ горестно тебя лишиться,
Тягчайшая изъ всѣхъ потерь!
Не выразить сердечной боли!...
Той, съ кѣмъ бы жизненны пути

Хотѣлъ пройти, — суди, легко ли
Сказать: на вѣкъ, на вѣкъ прости!

Текля.

Нѣтъ, мученикъ любви! высокая душа!
Убитое холоднымъ свѣтомъ сердце!
Непонятый людьми человекъ!
Нѣтъ, иначе съ тобой проститься хочеть Текля!
О Боже, Боже! Если въ мѣръ дѣва
Тобою создана, чтобъ быть наградой мужу, —
Кто болѣе его награды сей достоинъ?

Внемли же мнѣ.... но гдѣ взять доказательствъ,
Да раны залечу растерзанной груди?
Какими узами присягъ и обязательствъ
Скрѣплю союзъ твоей обиженной любви?
Страдалецъ мой! Чьимъ изгону сомнѣнье?
Тоски твоей доступна ль глубина?
Какъ горестъ замѣню надеждой, упоеньемъ,
Какъ чувства воскрешу чистѣйшія видѣнья?
Что умерщвляли *всѣ*, какъ оживлю *одна*!

Люблю, люблю тебя! Что значить это слово?
Не каждая ль его легко произнесеть,
Коль снѣжный юноша пріятностию новой —
Мгновенной, можетъ быть, — къ себѣ ее влечеть?
Пришелъ прекраснѣе — прошло очарованье,
Другъ прежній позабытъ, закрыта сердца дверь;
На обвиненіе готово оправданье:
«Любила прежде я, но не люблю теперь!»

«Твоя, *напѣкъ твоя*. О, это слово важно!
Въ немъ отдается жизнь до гроба и за нимъ:

Но, ахъ, не ложно ли, не часто ли продажно,
Судьбою куплено, нль золотомъ однимъ!
Не часто ль вѣтренность, совѣты, заблужденья,
Покорность родшему, зешная страсть, расчетъ,
Устами дѣвъ даетъ слѣзное соглашенье
И безразсудную невѣсту въ храмъ вѣдѣть!
Другъ! Здѣсь не то! Не покупныя чувства,
Не легкомысліе, не суетности блескъ,
Не случая игра и не людей искусство,
Рѣшаютъ жребій мой передъ тобой навѣкъ!
Увы! и въ будущемъ нѣтъ капли утѣшенья!
Надежда не живить трепещущую грудь:
Гнѣвъ, ищеніе отца, соотчичей гоненье,
Счастливый мигъ съ тобой, потомъ вѣкъ разлученья,
Вотъ будущность моя! вотъ свадебный мой путь!

Но пусть разверзнется смолой кипящій адъ,
Пусть дневные лучи огнемъ меня палать,
Пусть хлынетъ на меня пучиной смерти море,
Пусть будетъ жизнь моя отчаянье и горе,
Пусть отъ вѣчныхъ слезъ въ очахъ погаснетъ день,
Пусть думы не дадутъ уснуть въ ночную тѣнь,
Отъизна пусть меня и цѣлый свѣтъ отринетъ,
Родимая земля костей моихъ не приметъ: —
Предъ небомъ, предъ землей, передъ людьми скажу,
Что я навѣкъ твоя, тебѣ принадлежу!
Приди въ объятія! прими души лобзанье!
А съ нимъ не ласки сонъ! не звуки обещанья!
Когда сердца слились, ты болѣе не другъ,
Ты не любовникъ мой: ты вѣчный мой супругъ!
Во храмъ естества насъ небо сочѣтало,
Безсмертная любовь вѣнцами обвѣнчала!
Пѣснь брачную воспѣвъ намъ Херувимовъ хоръ, —

И приняла судьба священный приговор!
Законъ свободныхъ чувствъ потомъ не признавай,
За жертвы — холодомъ, измѣной воздавай,
Отвѣтъ на страсть мою безмолвнымъ изумленьемъ,
Бѣги — и заплати за все однимъ забвеньемъ, —
Что нужды въ будущемъ!.... но этотъ райскій мигъ
Да будетъ радостенъ, торжествененъ, великъ!
Узнай, какъ я люблю! Любить какъ можетъ только
Непостоянная, но пламенная полька!
Пусть послѣ гонить рокъ, пусть разлучаетъ насъ —
Я все грядущее отдамъ за этотъ часъ,
Я тратой всѣхъ утѣхъ, цѣною вѣчныхъ мукъ,
День счастья для тебя купить готова, другъ!
Ко мнѣ, ко мнѣ!.... возьми всю предель бытія,
Любовь, цвѣтъ красоты, жизнь, вѣру, упованье,
Честь, вольность женщины, — и мысли, и желанья —
Приди на грудь, — возьми, все что имѣю я!

*(пораженный Мецъ безмолвно бросает-
ся къ ногамъ ея.)*

СЦЕНА V.

Роскошная роща изъ миртовыхъ, дубовыхъ, фиговыхъ и кипарисныхъ деревь; луна въ полномъ свѣтѣ на темно-голубомъ небѣ; лучи ея кой гдѣ проникають вѣтви и оживляютъ цвѣтъ листьевъ. Меся сидитъ на зеленомъ курганѣ, положивъ голову на плечо къ юной дѣвицѣ; широкое волнистое бѣлое платье облекаетъ тонкій стройный станъ ея; сверху коротенькая до пояса скуртейка изъ зеленого бархата, щитая золотомъ и легко опушенная соболями; пышная коса, свитая съ малиновымъ шарфомъ, обложена на манеръ чалмы около мраморнаго чела; рука ея въ рукѣ Меся. Далѣе отъ нихъ стоять и сидятъ старцы, мужи, юноши и женщины въ разныхъ положеніяхъ, — одежда женщинъ подобна прежней. Мужчины въ шароварахъ-юпкахъ; за широкими поясами заткнуты пистолеты и кинжалы, на черныхъ шнурахъ черезъ плечо висятъ кривые сабли; куртки разнаго цвѣта, — коричневые плащи, выложенные чернымъ шнуромъ въ разные узоры; на головахъ малиновые фесы съ большими пучками изъ сняго шелку; изъ подъ фесъ выпадаютъ длинныя, намащенные водосы и разсыпаются локонами по спинѣ и плечамъ. — Въ серединѣ на возвышеніи мастыстый старецъ; на бѣлыхъ его волосахъ вѣнокъ изъ вѣтвей; въ рукахъ лютня, — Вблизи блещетъ не подвижное море.

СТАРЕЦЪ (*береть аккорды на лютню, восклицаетъ, говоритъ речитативомъ и поетъ.*)

Мирно спать, воды лѣса и граниты,
Недвижныя звѣзды дремотный свѣтъ льютъ;
Теперь мы, какъ древле Ареопagitы,

Въ оливковой рощѣ, подъ небомъ открытымъ,
Свершимъ торжество, поминанье и судъ!

Теперь голосъ громкій
Назначить вѣнцы;
Внемлите, отцы!
Услышите, потомки!

Но чьи же намъ рѣчи глаголь скажутъ неба?
Затѣмъ, что лишь небу людскія дѣла
Судить подобасть, а смертныхъ хвала
Не дастъ алчбѣ славы безсмертнаго хлѣба!
Что скажетъ о дѣвѣ простой человекъ?
Какими словами прославить героевъ?
И какъ завѣщаетъ изъ вѣка во вѣкъ
Всѣ подвиги, жертвы чудеснѣйшихъ боевъ?

Хоръ.

Въ порывахъ нѣмыхъ
Грудь чувствуетъ ихъ;
Но слава дѣяній
Ждетъ пѣсней, сказаній.....

Старецъ.

Да, въ пѣсняхъ награда. Чтобъ славить дѣла
Гармонію воля боговъ создала,
Влила голосъ вѣтра, шумъ волнъ и перуны
Въ ничтожную лиру, въ покорныя струны.
Какому жъ счастливцу, пророку на часть
Орудье святое они дали въ власть?
Тому лишь, кто духа трудами здѣсь жилъ,
Кто чувствомъ томился,
Кто много любилъ
И много молился.....

Хоръ.

И мы величаемъ безмерныхъ боговъ,
Что сладость вкусили ихъ высшихъ даровъ:
Посланные ими, въ дни древней Эллады,
Пѣвцы раздавали героямъ награды —
И ты, нынѣ гимны намъ громко поющій,
Ишелъ изъ ихъ длани благодающей.....
Мелодию неба въ устахъ ты пренесъ,
Тебѣ восклицаемъ: поэтъ.....

Ты родиной жилъ,
Для братьевъ трудился,
И много любилъ,
И много молился.....

Старецъ.

Послушай же, Муза! Дай дряхлымъ устамъ
Въ послѣдній разъ голось, подобный громамъ!
Орломъ сильно-крылымъ высоко взлечу,
Въ объятія земли и воды схвачу,
Отсюду сберу я словесную дань;
Простру надъ морями дрожащую длань,
Ударю перстами по клавишамъ волнъ —
И сердце запрыгаетъ въ груди какъ чолнъ!....
О Пиндаръ великій! О праотецъ дивный,
Безмолвный во гробъ два тысячелѣтья!
Пошли мнѣ полетъ твой и гласъ лебединный, —
Родныхъ тебѣ Грековъ дѣла буду пѣть я!

Хоръ.

О боги! подайте, въ торжественный мигъ,
Звукъ — чувствамъ, лучъ — мысли, и думамъ — языкъ!

Старецъ.

Три моря родныя! Небесъ яркій сводъ!
Почившихъ героевъ могилы и пепель!
.....
.....

Изъ пыльнаго гроба старикъ Демосостъ
Шепталъ охуленъе на срамный нашъ плывъ!
Хромаго Тиртея гласъ слышался въ станъ!
И въ сонмъ героевъ гигантскій Ахиль,
Кого македонскій властитель почтилъ,
Не мирно лежалъ въ позабытомъ курганъ.....

Святой трупъ Григорья

Не приняло море:

Далеко, далеко страдалецъ плыветь!

Толпится народъ,

Крикъ ходить въ горахъ:

«Собирайтесь, люди! Вотъ вашъ патриархъ!

«Вотъ церковь ваша!

«И васъ тоже ждетъ

«Насилья и смерти постыдная чаша!»

Хоръ.

О мощи честныя! Вы къ дѣтямъ приплыли,

Затѣмъ, чтобъ они васъ облили, омыли

Слезами своими и кровью враговъ!

Мы поняли волю, исполнили долгъ!

Старецъ.

Межъ тѣмъ, съ Ипсилантьемъ идутъ Гейтаристы

На нивахъ Валахскихъ за крестъ умирать.

Смертельны ихъ сабли, ихъ кони огнисты,

Но ихъ окружила Османская рать.....

Какъ волны морскія, какъ облако пыли,

Враги необъятны, безчислены были!

Тогда Юрдаки, взмахнувши мечемъ,

Вскричалъ:» За мной, Греки! Ворвемся, укрѣмъ

«Средь вражескихъ полчищъ! И пусть мое тѣло,

«Какъ сбитое знамя, въ доскутъяхъ лежитъ!»

.....
.....

Хоръ.

Ты умерь побѣдно! Ты умерь какъ Грекъ!
Тебя не забудутъ изъ вѣка во вѣкъ!

.....
.....

Старецъ.

..... Какъ левъ,
Пронзенный стрѣлами, возсталъ дикій Клефъ;
Звѣриную кожу набросилъ на плечи,
Сверкая очами, винтовку схватилъ,
Прижалъ дѣтей къ груди, благословилъ, —
И грозны и страшны его были рѣчи.....
Какъ улей пчелиный, шумитъ Калаврита,
Бѣгутъ ея жители къ знамя креста —
И городъ ничтожный, отъ всѣхъ позабытый,
Сіяеть, начальная воли звезда!
Колокотрони и Мавро Михали,
Два Архистратига, ведутъ къ ней полки;
Османскія орды какъ листъ задрожали
Отъ тяжкихъ ударовъ свободной руки.
Кладутъ подъ дома свои островитяны
Порохъ.....
Армады морскія готовитъ Бублина:
Въ длань женщины крѣпость влагаетъ самъ Богъ,
Являетъ народу въ вдовѣ исполина,
Какъ благодти вышней, спасенья залогъ!
.....
Сошлись въ бореньи, молитесь, люди!
Крестъ съ мѣсяцемъ блвднымъ, съ Христомъ—Магомъ

Хоръ.

Но кто тебя, Боже! противиться можетъ!
Ты правому дѣлу эгида во вѣкъ!
Съ тобою развѣтъ, съ тобою уничтожить
Могучаго козни—простой человекъ!
Томилось въ оковахъ забытое племя,
Подъ камнемъ гробовымъ мертвѣла земля,
Но камень распался: свободное сѣмя
Растетъ, зеленѣетъ и краситъ поля.
И колосья высоко стоятъ плодородный,
И платитъ сторицей творенью всему;
Такъ свергнувъ неволи, невѣжества тьму
Народъ твой великій, народъ первоуродный.

Старецъ.

На Хиосской рейдѣ легъ
Флотъ несчетный Мусульмановъ;
.....
.....
Островъ, родину Гомера;
Гдѣ цвѣла святая вѣра,
Гдѣ былъ славимъ вѣчный Богъ!
Море мертво, какъ стекло,
Тихи, присмирѣли бездны;
Звѣздъ невидно: сводъ небесный
Тучами заволокло.
Неподвиженъ, мраченъ, гордъ,
Флагъ развѣявши злодѣйскій
Вонъ корабль адмиралтейскій
Топчетъ волны, какъ деспотъ!
Вонъ у Капуданъ - Паши
Факель свѣтится въ каютѣ;
Въ пышномъ нѣжася приютѣ,

Мыслить онъ въ ночной тиши :

«Завтра ястребомъ влечу,

«Въ Ипсарьотскія жилища;

«Все отдамъ огню, мечу,

«Всюду водворю кладбище!

«Да погибнетъ Грековъ родъ

«Отъ кинжала и отъ яда,

«А въ Стамбуль ждетъ награда!»....

Спать пучина, дремлетъ флотъ.

Въ четырехъ оттоль верстахъ

Причастились Ипсарьоты

Тайнъ святыхъ, и презря страхъ,

На смерть, муки безъ заботы

Поплыли въ своихъ челнахъ.

Тихо море ихъ несетъ,

Приближаются какъ твни,

Но отвага не спасетъ ;

Ждутъ ихъ ужасы мученій.

Врагъ безчисленъ, посмотри!

Тысячи тамъ на сторожъ!

Христіанъ лишь сорокъ три;

Что же эта капля *можетъ !!!*..

Спать безопасно грозный флотъ —

И кого теперь страшиться?

Кто посмѣетъ, кто придетъ

Съ сотней кораблей схватиться?

Греки бедны: нѣтъ у нихъ

Шлюпокъ, ботовъ и фрегатовъ.

Нѣтъ орудій боевыхъ ,

Нечѣмъ мстить за смерть собратовъ.

Войско вырость изъ земли
Во мгновеніе не можетъ;
Спите мирно, корабли,
Васъ никто не потревожитъ!
Чу!.... Шелохнулась волна,
Будто кто-то подплываетъ.....
Воинъ, пробудясь отъ сна,
Нерадиво окликаетъ.
Ипсарьотскій вождь Георгъ
Смыло къ борту адмирала
Брандеръ прицѣпилъ, захогъ —
Чолнъ назадъ струя умчала.
Прежде нежели призывъ
Сдвмалъ сторожъ изумленный,
Загремѣлъ ужасный взрывъ,
Стонуть бездны потрясенны.
Войско, снасти, паруса —
Море, пламень пожираетъ;
Гордый Капуданъ - Паша
Въ ранахъ тяжкихъ умираетъ.
Все погбло до зари!
Гдѣ владычество морское!
Вотъ что *могутъ* сорокъ три
Христіанскіе Героя!

Но иной былъ бой у Петы,
Тамъ Вріони побѣдилъ;
Много тысячъ не отпѣтыхъ
Грековъ въ землю положилъ.
.....
Здѣсь ведетъ Омеръ-Вріони
Тигровъ и шакаль на пиръ,

Туть Юсуфъ медвѣдей гонить,
Тамъ ворвался Сераскирь
Съ Румилійскими полками,
Кровь почувавшими псами!.....
Обступили всѣ Аргосъ:

.....
Безъ числа невѣрныхъ рать!

Стаи налетели злыя,
Точно коршуны степные
Трупъ Элады доклевать!

.....
Разогналъ отчизны сонъ
Голосъ твой, Колокотрони!

Войско на геройскій зовъ.
Тысячами собралося,
Залегло на страшный ловъ
Всѣ тѣснины вокругъ Аргоса;
Стережеть къ возврату дверь,
Силой, хитростію львиной:
Волны изверговъ! теперь
Не прорвете вы плотины!

Вспыхнулъ бой — и восемь дней
Мечъ въ ножны не опускался,
Восемь памятныхъ ночей
Глазъ дремотой не смыкался, —
Славой три раза вѣнчался
Прозорливый Одиссей.
Наконецъ разбить Османъ!

.....
И среди ущелій, горь,
Ищетъ врагъ себѣ храненья, —

Какъ ночной, презрѣнный тать,
Бѣгствомъ крадется вся рать!

Но нашъ храбрый Туркоагъ,
Нашъ летунъ — соколъ Никита

Устерегъ невѣрныхъ шагъ
Подъ утесами сокрытый.

Страшнымъ вихремъ налетѣлъ
На бѣгущихъ съ боку, съ тылу —

Двадцать тысячъ мертвыхъ тѣлъ
Бросилъ въ бранную могилу.

И Морея вся чиста!

Турки въ прахъ истлѣваютъ!

И подъ знаменемъ креста

Греки Бога прославляютъ!

Между тѣмъ Османскій флотъ,

Полный страха и тревоги,

Покидаетъ Миссолонги

И назадъ стрѣмой плыветъ.

Вотъ на полныхъ парусахъ

Двѣ ладьи ихъ нагоняютъ;

Смотрятъ: тамъ Турецкій флагъ,

Рвчи братій разбираютъ.

«Магомета то сыны!

«Вонъ гяуръ ихъ робко гонить!

«Вонъ тюрбаны и чалмы! —

«Мечъ нашъ братій оборонить.

«Къ намъ скорѣе! Живъ Аллахъ!»

И ладьи, браздя пучину,

Врѣзались, какъ на крылахъ,

Флота въ самую средину.

Но не сонъ ли? Два лица

Страшно имъ въ глаза блеснули.....

Вивъсто братій, два бойца:
Канари и Міаули!....
Константинъ загогъ фитиль.
«Гибните, злодѣи!»—крикнулъ,
Ужась всюду! ботатырь
Рыбой по волнамъ уникнулъ.
Брандеръ! тысяча смертей!
Тщетны бѣгство, вопль, работа!
И остались средь зыбей
Только трупы отъ людей,
Только головни отъ флота!

Навсегда страна свята,
Гдѣ победы насъ вѣнчали,
Но священныя мѣста,
Гдѣ герои умирали.
Долго на тебя смотрѣть
Будутъ съ грустью, Карпениса!
Рано здѣсь настигла смерть
Хиларха Боцариса!.....
Ужъ могучій разметалъ,
Будто листья по равнинѣ,
Орды Турокъ,—но стяжалъ
Рану, вѣстницу кончины!...
Братъ героя довершилъ
Начатое пораженъе,
И навѣкъ лишаясь силъ,
Крикнулъ Марко въ восхищенъе:
«Дѣти! радостна мнѣ смерть!
«Кончена моя работа!
«Можно ли вождю Сульотовъ
«Лучшей смертью умереть!.....»

И ты красавецъ Ипсарьоть,
Притѣрь великій давшій міру!
Твой подвигъ время сбережетъ,
Одушевить не разъ онъ лиру!
Уже враговъ несчетный строй
Ворвался въ крѣпость Николая
И пѣснь победы возглашая
Нашъ драгоценный край родной
Топталъ презрѣнною стопой.
Тогда нисходишь ты въ подкопъ,
На смерть святую обреченный!....
Упала искра,..... вскрылся гробъ,
Дрожить земля, трясутся стѣны;
Рать злая съ нашего предѣла
Вверхъ коршунами полетѣла, —
И брызнула, какъ розановъ пуки,
Растрезанная порохомъ въ куски!....

Минула година трудовъ, испытаній!
Изъ пепла, какъ фениксъ, Эллада встаетъ, —
Молитвъ сокровенныхъ, горячихъ желаній,
Дождались, пріяли, вкусили мы плодъ!

.....
.....

Но прежде хвала
Тебѣ, Иегова!
Всѣ наши дѣла
Отъ вѣчнаго Слова!
Сердца всѣхъ вождей
Въ десницѣ твоей!
Скинемъ руки

Ты двигалъ полки ;
Святымъ дуновеньемъ
Давалъ оживленье.....
Отъ Бога начало
Вездѣ его милость :
Рекъ : «сдѣлайся!» стало,
Сказалъ : «будь!» свершилось.

.....
.....

*(Всѣ преклоняютъ колѣна ; по краткой мо-
литвѣ, расходятся въ разные стороны ;
Мецъ и двѣица, сидѣвшія съ нимъ, остаются.)*

Графъ Мецъ.

.....
.....

Я принялъ въ даръ его, онъ мнѣ принадлежитъ,
Его рука моя посвѣтъ, защититъ,
Въ немъ ляжетъ нѣкогда и трупъ мой утруженный
Онъ — собственность моя ! Наслѣдіе отцовъ
Досталось мнѣ безъ подвиговъ, заслуги !

.....
.....

Я промѣнялъ его но этотъ бѣдный клочъ,
На это теплое, лазоревое небо !
Есть хижина и садъ, есть у меня кусокъ
Всегда здороваго, хотя простаго хлѣба !
А ты виновница и спутница трудовъ,
Подъ пулей створенная невѣста !
Согласна ль быть моихъ усладою годовъ ?
Меня ты любишь ли, прекраснѣйшая Деспа?....

ДЕСПА.

Что говоришь, что спрашиваешь ты,
Мой добрый юноша и мужественный воинь!
Не ты ли былъ спаситель сироты?
Тебя должна любить — и ты любви достоинь!
Давно мать умерла; отецъ и юный братъ
У Мисолонгскихъ вратъ сномъ непробуднымъ спять!
Ты оторвалъ меня отъ милаго ихъ праха,
Гдѣ, беззащитная, хотѣла умереть;
Ты разогналъ отчаянье и смерть,
Съ тобой не знала я опасностей и страха.
Нѣтъ, никогда твоихъ стараній не забуду!
Жизнь отъ тебя принявъ, — жить для тебя лишь буду!

ГРАФЪ МЕЦЪ.

Свободна ты! цѣной моихъ трудовъ
Я не хочу купить неволи благодарной!
За добрыя дѣла не жду себѣ даровъ:
Награда имъ не здѣсь!.... Дай поцѣлуй прощальный,
Ступай, — и выбери соотчицей въ толпѣ
Любимца, жениха, властителя себѣ,
Не вынужденнымъ жизнь украсится сострастьемъ, —
И буду счастливымъ я прекрасной Деспы счастье!....

ДЕСПА.

Нѣтъ, Димось (*), не пойду. Въ тебѣ земной мой рай;
У Деспы безъ тебя ни воли нѣтъ, ни жизни!
Я даже не увѣрена, что день
Могу прожить, не бывъ съ тобою вмѣстѣ!
Ты для меня гармонія, душа,
Живитель, украшеніе природы!

(*) Вѣроятно, имя Меца — Дмитрій. Такъ это имя сокращаютъ Греки.

Ты для меня всѣхъ нѣжностей предметъ,
Дитя, любовію исполненнаго сердца!
Твои слова ложатся сладко въ слухъ,
Твой взоръ палитъ меня лучами страсти жаркой,
Иль холодомъ восторга проникаетъ!....
Я мысль твою угадываю прежде,
Чѣмъ милые уста ее прошепчуть,
По одному бѣненію мощной груди
Я узнаю сокрытое желанье!....
Душа моя, какъ со струей струя,
Сжилась, слюбилась, сѣмшлася съ твоею:
Жить слитно, ощущать одно — умью я,
А раздѣлить себя съ тобою — не умью!

Но, небо справедливое! прости,
Что силу чувствъ священныхъ и глубокихъ
Унизила я слабымъ изъясненіемъ.....
Чтобъ выразить вполнѣ горячность, пламень ихъ,
Зачѣмъ не дасть своихъ лучей мнѣ солнце?
Чтобы изобразить все таинство любви,
Зачѣмъ луны я свѣтомъ не владѣю?
Чтобъ вѣрный обликъ дать мечтаньямъ и страстямъ,
Зачѣмъ слова мои не бурный океанъ?....

А ты лепечешь мнѣ, жестокой челоуѣкъ,
О счастья безъ тебя, о вѣчномъ разлученіи!
Ты — счастье мое. Въ объятія навѣкъ
Приди ко мнѣ, на радость и мученіе!
О, будемъ вмѣстѣ жить!.... Вотъ нашъ зеленый садъ,
Вдали поля съ колосьями прямыми,
Тамъ рѣзвья струи источника шумять,
Тутъ роща съ сѣнями прохладными, густыми.
Чего не достаетъ здѣсь для меня съ тобою?

Смотри, вонъ зыблется въ листахъ лимонъ златой,
Качается на вѣткѣ померанецъ!
Вездѣ я насажу цвѣты моею рукою —

Графъ Мецъ (*съ восторгомъ прерываетъ*).

И лиліи взойдутъ, какъ станъ чудесный твой,
И розы расцвѣтутъ, какъ щекъ твоихъ румянецъ!
Украшишь ты еще своею красотой
И безъ того роскошную природу!
О Деспа, милый другъ! Я остаюсь, я твой!
Здѣсь отыщу опять довольство и свободу!
Здѣсь снова воскрешу блаженство юныхъ дней;
Цвѣтъ жизни оживлю, давно грозой убитый;
На персяхъ дѣвственныхъ укроюсь отъ страстей,
О свѣтъ позабывъ — и свѣтомъ позабытый!
Невѣста! Обними рукою своею меня!
Цѣлуй уста мои невиннымъ поцѣлуемъ!....
Лобзаніе твое изъ нектара, огня, —
Имъ сплелись сердца; имъ бракъ нашъ торжествуемъ!

Деспа.

Пещеру ишистую тамъ видишь ли?.... Взойдемъ.....

Графъ Мецъ.

Скорѣе! Сладкое мгновеніе!....

*(Объ руку идутъ; вдругъ Мецъ останавливается,
призракъ убитаго Англичанина пролетаетъ
передъ нимъ, раздаются слова въ воздухѣ)*

Годдемъ!

Деспа.

О милый! Что съ тобой?

Графъ Мецъ (*дрожа вслѣдъ тѣломъ*.)

Мечта пустая, сонъ..... (*просебля*)

Зачѣмъ же страшный сонъ въ минуту эту снится?

Имъ вся сущность, какъ первой тучей, тнитъ,
Какъ громомъ разумъ мой сожжеть и потрясетъ!

*(Отходитъ въ сторону, на-
даетъ на колѣни)*

Духъ истительный! Когда могилы дверь
Не прервала цѣпей земнаго отношеня,
Коль жаль еще тебѣ мірскихъ твоихъ потерь
И вѣстникъ кары мнѣ — грозящее явленье, —
Склонясь во прахъ челою, тебя молю теперь:
Невинное оставь мнѣ преступленье!
На мѣсть, гдѣ лежитъ окровавленный трупъ,
Воздвигну памятникъ, красой царя достойный;
Поставлю монастырь: пусть иноки поютъ
И просятъ Господа дать сонъ тебѣ спокойный.
Оплачу, посѣщу родимый твой приютъ,
Малѣйшія исполню завѣщанья,
Лишь только не теперь зови меня на судъ,
Лишь только не теперь мнѣ дѣлай наказанье!....

(Къ Десль)

Пойдемъ, мой добрый другъ! Теперь онъ будетъ нѣмъ!
*(Идутъ въ пещеру; у самаго входа грозный
призракъ Англичанина сталкивается и заста-
навливаетъ дорогу Мецу; раздаются слова звуки.)*

Годдемъ! Годдемъ! Годдемъ!

Графъ Мець *(въ испугѣ)*

Га! нѣтъ прощенія!.... Начни же, лютый, казнь!
Пѣснь брачную смуги стѣнанными глухими!
Пошли ей на душу смятеніе, боязнь,
Мнѣ сердце охвати перстами ледяными;
Взаимну пышныхъ винъ на свадебной ночи,
Фонтаномъ кровянымъ изъ черепа хлещи!....
Умножь присутствіемъ молодой четы веселье!

Изъ ада приведи на пиршество твней,
Готовь супругамъ даръ: свинцомъ мнѣ грудь разбей,
Кинжаломъ ей нарѣжь на шеѣ ожерелье —
И дай намъ вдалекѣ отъ свѣта и людей
Гробъ — въ брачную постель, и тартаръ — въ новоселье!
(съ помпезностью отталкиваетъ труппирующую Деспу.)

Прочь отъ меня, несчастная! Бѣги!
Не прижимай къ груди проклятаго убійцу!
Не къ алтарю влекутъ дрожащія щаги,
Иную вижу я манищую десницу. —
За ней иду, за ней!.... *(къ призраку.)*

Готовь!.... веди меня,
Гдѣ ходять вихри жупела, огня,
Въ лѣса изсохшіе, въ пустыни мрака, въ бездны....
(бросается въ глубину роши.)

ДЕСПА *(бѣжитъ за ними.)*
Постой, возьми меня! Возьми съ собой, любезный!....

ПРИМЪЧАПІЯ:

1. Смотри романы, драмы и мелкія стихотворенія Виктора Гюго. Сочинитель, излагая здѣсь свое мнѣніе о недостаткахъ ихъ, не перестаетъ однако же видѣть въ немъ величайшаго изъ писателей.

2. Философическія сказки и повѣсти Бальзака, имѣющаго впрочемъ необыкновенно-зоркій взглядъ на предметы и мастерскую кисть въ изображеніи картинъ общества.

3. *Мертвый Оселъ и обезглавленная женщина* Жюль-Жавена, типа журналистовъ, прославившагося своимъ радужнымъ слогомъ.

4. *Последній день приговореннаго къ смерти*, Виктора Гюго.

5. *Исповѣдь*, Жюль-Жавена.

6.

7. Не знаю, успѣлъ ли я сдѣлать этими стихами очеркъ вдохновенной поэзіи В. А. Жуковскаго.

8. По послѣднимъ двумъ строкамъ читатель вспомнить прекрасное стихотвореніе: *Поэтъ*, незабвеннаго Веневитинова, такъ рано похищеннаго смертію!

9. Здѣсь въ исчисленіи произведеній не соблюдева историческая постепенность.

